

СВЕТ
ИЮНЬСКИЙ
сборник поэзии
и прозы

**ББК 84 (2Рос - 4Но) 6
С24**

Составители:
И.Г. Назарова, В.Р. Исаков

Оформление, компьютерная верстка
В.И. Березовский

"Свет июньский: сборник поэзии и прозы". - Великий
Новгород: ЗАО "Новгородский технопарк", 2010. - 200 с.

ISBN

Очередной сборник произведений участников Литературного клуба при НовГУ уже традиционно посвящен дню рождения Новгородского университета - 30 июня, совпадающего с днем рождения основателя и первого ректора НовГУ, академика В.В. Сороки.

Литературное творчество участников клуба, представленное в сборнике, - своего рода сплав мироощущений наших современников: дерзающей новгородской молодежи и старшего поколения, умудренного опытом жизни. Авторы не только фиксируют словом свои мысли и чувства, но нередко готовы к действию ради перемены окружающей действительности к лучшему.

© - Новгородский государственный университет, 2010.
© - Авторы, 2010.

"Кочевники последнего столетья..."

Вместо предисловия

Перед вами шестой по счету сборник стихов и прозы участников Литературного клуба при НовГУ, охватывающий творческие работы 31 автора, большей частью стихи. Менее трети сборника отдано прозе. Что ж, в литературном творчестве новгородцы явно отдают предпочтение поэзии.

Интеллектуальное и культурное лидерство НовГУ в регионе неизбежно способствует добротному качеству литературного материала. При этом участники нашего клуба смело экспериментируют с ритмами, рифмами, образным строем, не боятся неожиданных суждений и выводов. Как и в прошлый раз, составители в подавляющем большинстве случаев оставили авторскую редакцию, доверяя вкусам и пристрастиям литераторов.

Другим фактором, неизбежно оказывающим влияние на содержательную часть сборника, стали тенденции современного мира с его апокалипсическими и глобальными настроениями, свободной перекличкой людей и идей. Собственно, эта характеристика нового времени коренится в названии нашего предисловия.

Принципиально новым в нынешнем сборнике является увеличение числа разделов до 5. По сравнению с предыдущими сборниками появились отдельные разделы гражданской лирики и экспериментального творчества.

Но все по порядку.

Открывает сборник поэтический раздел, обозначенный строкой одного из авторов **"Ты восстанешь, солдат..."**. Он посвящен 66-летию со Дня Великой Победы в Отечественной войне и навеян болью личных переживаний авторов.

Второй раздел - **"И выроню слово из будущих книг..."** - отдан молодым голосам, ищущим, ломающим стереотипы, мечтающим о недостижимых высотах. И, конечно, большинство

стихов раздела посвящены удивительному чувству - вечному и в то же время всегда заново открываемому - любви.

Отдельно хотелось бы сказать о завершающих раздел 2-х стихотворениях Виктории Воевой. 7 лет эта девушка отчаянно боролась с тяжелой болезнью. Сумела при этом окончить на отлично филологический факультет. Мечтала быть журналистом, писать книги. Не случилось...

Третий раздел **"Я не хотел бы с чистого листа..."** собрал авторов с реальным жизненным опытом. Стихи раздела вобрали в себя философское, часто духовно углубленное, осмысление и переосмысление пережитого. Здесь индивидуальность автора - не внешняя поза, а выношенное глубинное знание...

Четвертый раздел - **"Жить совсем по иным законам..."** - отдан прозаикам. Разноплановые материалы то с традиционным неторопливым повествованием, то с элементами фантазии и магии, то забавного юмора и психологизма, то с афористически отточенной мыслью, но в любом случае - с равнодушным отношением к действительности.

Пятый раздел **"Метаморфозы бытия..."** - чисто экспериментальный. Здесь лаборатория авторов, где проводятся опытные работы. Новые формы выражения, необычные ритмы и образы, неологизмы и подражания, игры со смыслами, проба перевода с иностранного, звукописные поделки - все это есть в нашей лаборатории для любопытствующего читателя.

В заключение с радостью констатирую, что нашему клубу - этому доброму содружеству новгородских литераторов, созданному по инициативе ректора НовГУ Виктора Вебера, - исполнилось 2 года. Принципиальным отличием нашего объединения от подобных - это не только постоянный выпуск двух сборников в год, не только творческие концерты, но и учебные встречи с обстоятельным разбором произведений. В клубе стал вырабатываться свой тип общения, основанный на взаимопомощи и сотворчестве.

И еще. По моему убеждению, заявленный инновационный путь развития страны невозможен без создания в обществе особой атмосферы творческого поиска. Надеюсь, что определенную лепту в это важное дело вносит и наш Литературный клуб при НовГУ.

Владимир Исаков

***“ТЫ ВОССТАНЕШЬ,
СОЛДАТ...”***
первый раздел

**СВЕТ
ИЮньский**

**Юрий
ФАБРИЧНИН**

доцент кафедры журналистики

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Солдат.

Соль дат.

(Из собственного).

Ты меня извини,
Что я скуп и суров.
Я из рода войны,
Рода павших и вдов,
Кто шагнул, не простясь,
В свой негаданный миг,
Кто детишек, крестясь,
Поднимал за двоих.

На полях дождь да снег
Заметают следы.
Я из племени тех,
Кто под знаком беды,
Кто из пепла воскрес
По призыву земли,
Чтобы листвился лес,
Чтобы нивы цвели.

Марши новых владык,
И иной дирижер.
Торжество молодых,
Праздник тех, кто пришел.
И все чудится мне:
Этот гомон и смех
В память тех - на войне,
Не вернувшихся тех.

КАК БЫ НИ БЫЛО БОЛЬНО

Ты восстанешь, солдат,
Ты в ладонях сожмешь
Автомат, не остывший от смертного боя.
И однажды
К окошку любимой придешь,
Опьяненный дыханьем
Резеды и левкоя.

Ты ей скажешь
Стучащие в сердце слова,
Что сказать не успелось
В письме треугольном.
И о том, что судьба...
Она вечно права,
Как бы ни было больно,
Как бы ни было больно.

ЭХО

У заросшей воронки и цветы, и грибы,
И деревья в немом карауле.
Будто гулкое эхо далекой судьбы,
Будто снова снаряды и пули.

Проржавевшая каска,
Да берез молоко,

Да румянец рассветного неба.
Разве жизнь - это чтобы нам было легко?
Разве жизнь - это зрелищ и хлеба?!

Не суди, рядовой, за изломанный строй,
За нечеткость нетвердого шага,
Мы лишь чуточку сбились, мы станем собой,
Нас наполнят и честь и отвага.

ВНУК

Война звала, война косила.
Оркестр натруженный охрип.
Из тех твоих сынов, Россия,
Что ни десятый, то погиб.

Рисует внук скафандр и латы,
Придумав звездную войну.
Лежат под звездами солдаты,
Собой закрывшие страну.

Не раз, не два без слез, без звука
Окрест осыпались леса.
А мне все кажется: у внука
Твои веселые глаза.

Все вижу сквозь дожди косые
Смешливых губ твоих изгиб...
Из тех твоих сынов, Россия,
Что ни десятый, то погиб.

**СВЕТ
ИЮНЬСКИЙ**

**Евгений
ИВАНОВ**
*профессор кафедры
педагогики*

Из цикла "ДОЛИНОЮ СМЕРТИ"

Туфельки

На каждом шагу здесь останки солдат,
Приметы кровавого боя.
Но что это? Туфельки?! Господи!
Как ты мог допустить такое?

В них бы в вальсе кружить под оркестр духовой,
На свиданье под ручку несмело...
А она их убрала в мешок вещевого,
И военную форму надела.

Гимнастерка, пилотка, шинель, сапоги,
Марш-броски, артобстрелы, бомбежки,
А ей хочется, чтобы ноги могли
Пройтись в туфлях хотя бы немножко.

Но сурова судьба, и наивны мечты,
И чудес не бывает, поверьте,
Через полсотни лет я принес ей цветы,
Пройдя той же "Долиною смерти".

Мясной Бор

У войны не женское лицо,
А у смерти нет лица в помине:
Череп, кости, медальон пустой,
То есть, не осталось даже имени
У десятков тысяч тех солдат,
Что в болотистом лесу лежат
Сорок с лишним лет живым в укор
У деревни под названием Мясной Бор.

А в лесу зловещий шорох по ночам,
Чей-то шепот заволакивает уши,
Меж деревьев, листьями шурша,
Бродят неприкаянные души.
Им не обрести вовек покой,
Покуда не проводят в мир иной,
Не похоронят по-людски убитых
В боях за Родину... и Родиной забытых.

О дедe

Мой дед погиб под Ленинградом
В том самом Невском пятачке,
Где рвал фашист свинцовым градом
Всё без разбора на клочки,
Где разлетелись на кусочки
Фамилии и имена,
Чтоб стать затем дежурной строчкой,
Мол, виновата в том - война.
Мой дед погиб под Ленинградом...

"Requiem aeternam dona eis, Domine"

("Покой вечный даруй им, Господи")

Двадцать миллионов погибших из земли встали разом,
Двадцать миллионов закрывших страну человеческим мясом,
Двадцать миллионов стоят - их митинг недолог,
Двадцать миллионов...О, нет, их тридцать или сорок.
Поздно потери считать - давно розданы награды.
Поздно к совести звать - им это уже не надо.
Им нужен могильный холм
Да обелиск со звездой,
Да чтоб дощечка на нем,
Хранящая имя героя.

Блокадная книга

Снова я за страницей страница
Погружаюсь в те давние дни,
То ли явь, то ли все это снится:
Вижу город блокадный и лица
Тех, кто вдоволь хлебнул той войны...
На ветру неровной походкой,
Впрягшись в санки, а сил уж нет
К Пискаревке накатанной тропкой
Гроб волочит живой скелет.
А в холодной тёмной квартире,
Где с кровати не в силах встать,
Кровью вскармливает сына
Молодая седая мать.
Без конца завывают сирены,
Стонут раненые бойцы,
Пацаны, вернувшись со смены,
От пожаров спасают дворцы.
В громе взрывов творит Шостакович,
Из динамика голос Бергольц...
Вот такую правдивую повесть
Мне прочесть, друзья, довелось.

Рассказ старого солдата

Снова пью за ребят своего полка,
С кем не раз кашу ел с одного котелка,
По колено в воде в окопе родном
Поливал фашистов свинцовым огнем.
Второй номер, Серега, мой названный брат,
Спас меня, заслонив собой Ленинград,
Был в расчете вторым, первым в грязь лицом
Он упал и лежит безымянным бойцом.
Его черные кости хранит земля,
Не приходят к нему ни друзья, ни родня,
Не стоит над ним ни звезда, ни крест,
У Сереги могилы попросту нет.
Много в том бою полегло солдат,
Ведь приказ был тверд: "Ни шагу назад!"
Нет патронов и мы по команде "Пли!"
Всем полком в штыковую на фрицев пошли...
С той поры убежало немало дней,
Не нашел ни живых я, ни мертвых друзей.
Там где был нескончаем смертельный стон,
Возвышается ныне жилой район,
И в уютных квартирах наши сыны
Говорят об ошибках минувшей войны.

1989 - 1992 гг.

**Татьяна
АЛЕКСЕЕВА**
*руководитель
литературного салона
(г. Остров, Псковской области)*

* * *

Душа российского солдата,
О той войне ещё скорбя,
В меня вошла в пятидесятом,
Четырнадцатого декабря.

Война пронзала, словно жало,
Мозг, сердце, душу леденя...
Откуда? Я же не сражалась,
Не гибла в пламени огня?!

Разрывы мин, гранат, фугасов,
Свист пуль и бомб летящих вой,
И "мастерство" фашистских асов -
Всё, всё вставало предо мной...

В шестом, седьмом, десятом классе
И позже, в двадцать, тридцать лет -
Всё снилась... В сорок, в одночасье,
Вдруг оборвался этот след.

Но, видно, не на поле боя
Бойца настигла злая смерть,
Простому русскому герою
От ран случилось умереть -
Тогда, уже в пятидесятом,
Когда в середине декабря
Я родилась... А на закате
Играла зимняя заря...

**Сергей
ПАРХОМЕНКО**
*оперативный дежурный
управления безопасности и связи*

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

В последнем бою пасть - великая честь,
Героев имен не забудут.
Но горькая участь, печальная весть:
Они среди нас уж не будут.

А бой тот последний для всех не один,
На деле иначе бывает,
В последнем бою полыхает Берлин,
А Прага к спасенью взывает.

Как трудно в атаку пойти на врага,
Когда до победы полшага.
Приказ командира, а жизнь дорога...
"Вперед!" - вот солдата отвага.

И ярость бушует в солдатской груди,
Врага до конца добивая.
Уже не до смерти, что ждет впереди,
Воронками землю взрывая...

Пусть уж давно завершилась война,
Травой затянулись окопы.
Навеки запомнили их имена
Народы спасенной Европы.

Они вместе с нами в парадном строю.
Вглядишься, их ты должен увидеть:
Солдаты, что пали в последнем бою...
Нельзя их забвеньем обидеть...

***“И ВЫРОНЮ СЛОВО
ИЗ БУДУЩИХ
КНИГ...”
ВТОРОЙ РАЗДЕЛ***

Дарья ПЕРЕБАЙ
*студентка филологического
факультета*

ПОСЛЕ СПЕКТАКЛЯ

Всхлип! - аккорд на взлёте оборвался,
И без нас пустынно на земле.
Для того ли ветер трагифарса
Нас кружил, как листья в сентябре?
Для того ль мы плакали от боли
И терялись в чёрных дырах зла,
Чтоб простая песнь земной юдоли
Нам предвечной памятью была?..

Мы не вышли за пределы роли,
Но скажи мне, Боже, для того ли
Мы сгорели на земле дотла?!

НОЧНЫЕ СТРОКИ

Вот ливень, как штора, упал на окно,
В провале окна, как в могиле, черно.

Шумит и чернеет - навеки, по гроб,
Как будто раскинут последний покров;

Как будто зияет души глубина
И я никогда не достану до дна;

Как будто бы в небо, где мрак и гроза,
Распахнуты чёрные чьи-то глаза.

И дивные звёзды цветут из глубин
За всех, кто сражался, любил, не любил...

И с чёрного неба спадает вода -
Как полог, как знамя, за всех, навсегда...

* * *

Благословляя росчерком ветвей
Тех, кто грустит, но ни о чём не просит,
На куполах Премудрости твоей
Вздремнула загостившаяся осень.

Грустит. Устала. Плачет над собой
В своём непозабытом, неизбытом, -
Как женщина, замученная бытом,
Как мудростью убитая любовь.

И так она маячит за плечом,
Напоминая сумрачно и здраво,
Что мир доселе мною не прощён

За всю его беспомощную славу,
За всё, на что я не имею права,
За то, что ты не просишь ни о чём...

* * *

И вновь никто не может мне помочь,
Поблизости - ни оклика, ни тени,
И в мире остаётся только ночь
Да улица, летящая в метели.

Простор земли и замкнутость судьбы -
Как чувствуют покинутые дети...
И нет судьи, и только Бог свидетель,
И кто-то вновь уехал и забыл.
И вновь слова даются мне легко,
Слетают на ладони, словно птицы,
И, не сумев в лучах озолотиться,
Душа моя бела, как молоко.
Но даже у неё не хватит зла
На всякое благое умолчанье...
Не плачь. Как мало у земли тепла.
Как бесконечен мир, как жизнь мала -
Вся наша жизнь, которую венчали
Сказание, и страсть, и похвала.

ВЬЮГА

Так вьюга опьянела к вечеру
В кругу постылой ворожбы,
Что не подымешь глаз на встречного -
Единственного, может быть,

Кто был в судьбе твоей беспамятной,
Кого бы мог позвать не зря
Твой голос, падающий замертво
В оглохший морок бытия.

Пусть всё оплачется, забудется,
Пусть вьюга ходит у земли -
В её рыдающей распутице
Плывут дома, как корабли.

И ночь снежинками окутана,
И ищет берега прибой -
Как будто пряжа перепутана
И перечёркнута любовь:

Любовь, любимая вчера ещё,
Печаль, припрятанная впредь
Душой, в метелях обмирающей,
Бесправной заживо сгореть.

Как мы бесправны, как похожи мы,
Где ж наша строчка разошлась?
И глаз не вскинем на прохожего -
Тоскующих, собачьих глаз...

* * *

Его убили.
Он упал в траву,
Упал как был, со вскинутой рукою...
Над ним стальные крылья воздух рвут,
Не зная ни ответа, ни покоя.

Упал в траву. И спорят голоса
В чистилище войны о судьбах мира.
Глядят его открытые глаза
Куда-то мимо, мимо, мимо...
Глядят, ища за дымом синеву...

Как ноги стёрты! Как сердца устали!
Хлестал огонь. Мы падали в траву.
Но живы все, кого ни позову:

Нас не убить ни порохом, ни сталью.

ОТКРОВЕНИЕ

О Господи, я не рядилась в пророки -
Так вышло. Так выпало. Я не хотела.
Протянута нить одинокой дороги
Сквозь лес, как струна, до немого предела.

Где ржавчины с медью осенняя помесь,
На жалобных листьях отцветшие блики...
И чудится шёпот: "Исполни! Опомнись!" -
И кто-то зовёт, но никто не окликнет.

И встречные ветки хватают за руки,
И травы, простёршись, ступни мои лижут...
А я прохожу, не оставив зарубки,
А я оглянусь - и следа не увижу.

Что не было - помню. Что было - забыла.
Ты песню услышишь, ты скажешь: красиво...
И лишь не узнаешь, что каждая жила
Вдоль косточки каждой - во всю свою силу -

Во всю свою слабость! - таилась, звенела,
И в Божьей руке был смычок, словно скальпель...
Под шелест протянутых в воздухе капель -
Так вышло. Так вышло... Я так не хотела...

НА КАРАНДАШ

Я вновь схватилась за перо,
Грустя о чём-то.
Уехал ты, уехал прочь,
Уехал к чёрту!
Уехал ты - и Бог с тобой,
Я к людям выйду,
Я проглочу и эту боль,
Себя не выдав.
Приму большие холода,
Метель и бурю...
Я буду жить, я буду ждать,
Я просто - буду
Среди героев и пройдох
Бескрылой птицей...
И время - тик да так - пройдёт
И прекратится.
И ты приедешь в город наш,
Толпу волнуя,
На карандаш - на abordaj -
Тебя возьму я.
Возьму тебя, возьму себе,
На час - и ладно!

Мигнёт на уличном столбе
Слепая лампа.
И всё провалится во тьму,
И я исчезну...
Я всё отдам, я всё возьму -
Так будет честно.
Пускай я не тебе чета,
Ты мне не пара -
Уехал ты ко всем чертям
И я пропала.

* * *

Я могла б умереть за любовь,
Но она умерла за меня.
И из наших столкнувшихся лбов
Никогда нам не высечь огня.
Милый друг, я тебя не виню,
Прежний друг, ты меня не вини.
Я глотаю сырую весну,
Пью целебный настой тишины.
Я тонка и прозрачна на свет,
Ни браслета на мне, ни кольца...
Я совсем позабыла наш смех,
Наши реплики и голоса,
Нашу радость, которую мы
Разыграли в четыре руки...
Цвет неясен, и контур размыт,
И исчерпана тема тоски.
И зачёркнута тема любви,
И опять мы - один и одна,
И опять - поворот головы
И окно, за которым весна,
Где уже снаряжает листву
Тёплых почек великая рать...
Лучший друг мой, прости, что живу,
Позволяя любви умирать.

ПОСТСКРИПТУМ

1.
Тихо на свечку дунула,
Тихо смотрела в небо.
Как это всё продумано,
Как суждено и слепо.

Как всё смешно и молодо,
Как всё проходит мимо -
Замкнуто, зарифмовано,
Просто непоправимо...

2.
Знать, что никто сегодня не приснится,
И, до трамваев первых не уснув,
Не плакать, а обмакивать ресницы
В чернильную густую тишину.

Смотреть, кто ходит там по бездорожью,
Клясть вьюгу до последнего клочка
И думать: это ты неосторожно
Прошёл вдоль жадной пропасти зрачка.

НАША ВОЙНА И НАШ МИР

*Мне снилась весна,
Мне снилась война
И комья земли.
Мне снился твой взгляд,
Мне снилось, что в ад
Идут корабли,
Что пуля прожгла,
Что я умерла,
Что ты уцелел...
И пальцы крестом,
И небо пластом
Лежит на крыле.*

А где-то осенью, когда-то в городе
Были двое - смешные, гордые,
Да танцующий кончик пера,
Танцующий кончик пера...
И плыли листья - рыжие, шалые,
И пели петли - старые, ржавые,
И никто не хотел умирать...

*Глядеть в зеркала,
Гореть добела -
Чтоб губы в крови.
И - махом за край,
И - без вести в рай:
Как хочешь, живи.
Что тело моё -
Сухое быльё,
Сырой перегой...
И нету любви,
И комья земли
Плывут надо мной.*

И эти двое в каком-то городе
Ходят порознь, дрожат на холоде -
Только небо скользит по плечам,
Скользит по плечам
И стелет белые, снежные простыни,
Ах, как всё просто повелось между взрослыми -
Просто медлить и просто молчать...

**СВЕТ
ИЮньский**

**Евгений
ПРЯНИЧНИКОВ**
*аспирант филологического
факультета*

В ПАМЯТЬ

Разгребая ворох важных дел,
Не умел увидеть чистоты,
И крестился тоже, как умел...
Там привычные вокруг кресты.

Ты молчишь в пространстве для двоих,
Наполняя воздух тишиной.
Осень отнимает у живых
Нет не жизнь, а внутренний покой.

Эта осень, мама, так сильна,
И ты глубже чувствуешь её.
Там река тиха... кораблик сна
Твоего счастливого плывёт.

В паруса поют ему ветра,
Солнце просыпается сквозь сон...
Ты придешь когда-нибудь с утра, -
Встретим вместе с братом и отцом.

* * *

По чужой земле, как по родной,
Ты бежишь, так крепко с нею сцеплен -
Вечный внесценический герой.
Бег за кадром, ставший самоцелью -
Вот, что двигает сюжет вперед.
Рядом хитро улыбнется автор -
После финиша тебя привычно ждет
Точно то же, что и после старта.

* * *

Яркое солнце слепило глаза,
облака плыли серого цвета.
Мы видели, как уходило назад
бесполезное старое лето.

Было легко, оставаясь собой,
делать самые странные вещи.
Смеяться и думать: ты - кто-то другой
В этот пьяный потерянный вечер.

Осень читали на ветхих листах,
после - пили дожди из-под крана.
В ладонях светилась ночь, стыла в умах.
И надолго губам вкус тумана...

ПРИТЧА О ЛЮБВИ

Одна женщина царством как будто игрушечным правила
Не по воле дворца хрустального -
По закону жила:
"Помогай другим в испытаниях".

О несчастных, больных и убогих заботилась истово,
Кому лапку пришить, кому дать милостыню...
И твердила закон,
Он душе ее был тихой пристанью.

Приходили с далеких земель и просили о помощи,
Разношерстной толпой с утра до ночи.
Без упрека всегда,
Подавала всегда руку тонущим.

И однажды открыла окно, пеньем птиц восхищенная,
И вдруг кто-то швырнул кирпичом в нее...
Мой товарищ Димон
Объяснял потом - "так а чё она?"

**Анна
ЛОЖКИНА**
*студентка философского
факультета*

ВОДА

*Воду мы начинаем ценить не раньше,
чем высыхает колодец.*
Томас Фуллер

Вода! Как много в слове этом!
В нем свежесть утренней росы,
Движение и покой дуэтом...
В нем столько света и красоты!

Вода! Таинственное слово...
В нем неизведанность морей...
Стихийность бури в нем сурово
Сплелась с божественностью сей!

Вода! Живительная влага...
Тверда, как лёд. Легка, как пар.
Ты безвозмездно даришь блага,
Спасибо за твой щедрый дар!

О, сколько силы и величия
Да бесконечной глубины
Мы в миг предали безразличью,
Забыв о важности воды!

ПАМЯТКА ВСЕМ ПЕССИМИСТАМ

Ты жаловался мне
На серость дней,
Проблемы без решенья
И погоду?

Тебе и улыбнуться
Даже лень?
Обижен на себя
И на природу?..

Не стоит поселять
В душе старушку-грусть...
Товарищ пессимист,
Поймёшь ты это скоро.

И если твой стакан
Наполовину пуст,
Ты думай, что стакан
Наполовину полон!

ОСЕНЬ

Настроение - грусть...
Это серая осень печали
Заковала в оковы
Свинцовых своих облаков.

С белым дымом тумана
Поля поутру повенчались.
Я продрогла от мороси мыслей,
От холода слов...

Дождь поплачет в тиши,
Затрепещут листочки осины...
Птиц тоскливые крики
Оставят на сердце печать.

И захочется мне
Заблудиться средь клёнов навеки,
Чтоб уставшие будни
Опять над рекой провожать...

РОДНЫМ МЕСТАМ

Прозрачным светом озарённый
Ты там, вдали от этих мест.
И я навек в тебя влюблённый,
Мой край, где в дымке дремлет лес...

Прохладой дышит лес осенний,
И город дремлет в тишине.
Так ясно помню птичье пенье
На той берёзе во дворе...

Вновь разольётся звон над речкой.
Колоколов прекрасный глас
В душе останется навечно,
А мысли кружат плавный вальс...

И здесь всё то: берёзы, сосны,
Осины, зелень тополей,
Но край родной, пусть с тем же солнцем,
А сердцу моему милей!

Нет, я ни капли не жалею.
Я здесь дышу своей мечтой,
В душе с надеждой мысль лелея,
Во сне увидеть дом родной...

ПОЕЗДА

И стремятся вперёд поезда,
Заигравшись с туманами в прятки.
Покидают они города,
Убегают из них без оглядки.

Бедолаги! Не знают они
Чувства дома и горечь разлуки,
И на краешке милой земли
Не согреют им зябкие руки.

Только ночь, ледяная луна
Да лесная далёкая чаща,
Только синяя-синяя мгла
Провожают вагон уходящий.

**Анна
КУКУШКИНА**

*студентка психолого-педагогического
факультета*

* * *

Забытое детство... В пустую тетрадь
Чернильного шпिला вонзается спица...
Мы Боги. Нам свыше дано создавать.
Дарить бестелесному чудо - свершиться.

Раскрашивать огненно-красным восход.
Придумывать реплики новым героям.
Из древней семёрки заученных нот
Несмелым касаньем галактики строить.

Улыбкой смирять неизвестности страх,
Проснувшийся мир наполнять чудесами...
Неузнанный гений! в несмелых руках
Империи рушатся и воскресают.

Мы знали когда-то, что мир - волшебство,
Что нам повинуются сны и дороги.
Что кроме любви в нас и нет ничего,
И мы сотворяем ее вместе с Богом.

Однажды ты вспомнишь забытый секрет
Он станет на всё очевидным ответом:
Мы сами придумали весь этот свет,
Осталось поверить - он соткан из света.

* * *

Это просто смешно - снова выполнить старую роль,
Заглянуть в твою жизнь, где давно поселились другие.
Это всё не всерьез - подобрать позабытый пароль,
И на ощупь войти - словно вынырнуть из амнезии.

Я не помню, о чем говорилось всю ночь напролет.
Лишь знакомый мотив ироничных твоих интонаций.
Мы остались вдвоем, и не стоит уже притворяться.
Не волнуйся, я знаю, что время уже не придет.

Мне не нужно любви - я не выдержу этот улов.
Просто дай мне поверить, что были другие маршруты.
Что в одной из реальностей, может быть, в эту минуту
Ты сожмешь мои пальцы, и станет понятно без слов.

Каждый выдох и взгляд словно видится со стороны.
Мы тепло улыбаемся, молча расходимся дальше.
Так случаются встречи - без тени упрека и фальши -
С тем, кто был для тебя бесконечно, безбожно родным.

* * *

Кочевники последнего столетия,
Мы на своих ладонях держим мир.
Еще одним названием в билете
Копилку жизни полнит пассажир.

Привыкли мы не привыкать к уюту,
Ловить за крылья первую звезду.
Берлинское размеренное утро
Сменяется закатом в Катманду.

И, словно в детстве, нет мечтам преграды
Они без визы улетают в даль.
Встречаем год в заснеженной Канаде,
На выходных срываемся в Версаль.

Без остановки колесим по свету:
В апреле - Питер, Рио - в феврале.
Возлюбленные граждане Планеты,
Всё ищем тех, с кем будет нам теплей.

В нас постоянны только перемены,
И виды удаляющихся крыш...
Пусть две недели до конца шенгена,
Допьем эспрессо - и рванём в Париж.

* * *

Мне хочется от радости кричать,
Смеяться вслух, и танцевать, и плакать -
Изгибом вопросительного знака
Стремится вдаль начало всех начал -

Дорога. Бесконечная мечта
Найти все то, что сердце подгоняло,
Уйти во тьму от пыльного причала,
Не возвращаясь больше никогда.

Здесь каждый до предела одинок.
Но тем един со временем и с небом.
Летят часы, чего от них не требуй,
А все одно: в конце пути - порог...

Пока дурманит скорость как вино,
Судьба вершит положенную квоту.
Опять свобода манит поворотом,
И целый мир лежит у наших ног.

* * *

Пусть наше место заняли другие.
Пусть эта рокировка очевидна
Мы спрячемся с тобою в ностальгию
И путь за это будет нам не стыдно.
Давай растянем на ночь старый вермут,
Возьмем карт-бланш и старую машину.
Пусть дребезжат расшатанные нервы
И хочется смеяться без причины.

Пусть всё вдруг обернется нереальным.
Земля - пустой, дыхание - ненужным.
Когда для нас любовь откроет тайну,
Спасая от депрессии и стужи.

И мы поймем, что время - только частность
Что нет границ, и сорваны оковы.
Любовь - она не может быть несчастной,
Она как свет чиста и безусловна.

Заря прольется на уснувший берег.
Пусты бокалы. Ночь уходит к югу.
Мы уезжаем прочь - любить и верить,
Но остаемся солнцем друг для друга.

* * *

Мы не уходим из жизни любимых
Даже с последним бессильным "прощай".
Мы остаемся. Невольно, незримо.
С грустной улыбкой стоим у плеча.

Мы остаемся. В привычках и фразах,
В старых кафе и пустых поездах.
В сонных аллеях, куда раз за разом
Двое спешили в своём "навсегда".

Мы остаёмся предпраздничным шумом.
Сном. Обещанием бросить курить.
Утренним кофе, любимым парфюмом.
Тихой беседой до самой зари.

Мы остаёмся беречь от ошибок
Шагом к прозрению, верой в людей.
Если ты слышишь, любимый, - спасибо,
Ангел-хранитель моих кораблей.

* * *

Если жизнь словно призрак кометы
Освещает сожжённый пустырь -
На дороге от сердца до света
Одиночество - твой поводырь.

Если вдруг день за днём исковеркан,
Не держись за непрочную нить.
Одиночество - это проверка
Всех заученных "Буду звонить..."

Не жалея и не меряя убытки.
Просто так: завершилась игра.
Одиночество - это попытка
Стать свободным от зябких "вчера".

Пусть уходят бесценные снова.
Все уходят - зови не зови.
Одиночество - это основа
Всяких встреч и историй любви.

Нам опять остаётся немного:
Сделать шаг и поверить судьбе.
Одиночество - это дорога
От себя и обратно к себе.

* * *

Полпервого. Перелёт.
Банально, как в старой песне.
Когда любовь устаёт,
Она становится честной.

К тебе. Из прошедших снов.
К тебе. Ко всему, что - после.
Когда устаёт любовь,
Она становится взрослой.

И больше нет сил на флирт,
На все "может быть" с подвохом.
Когда твой огромный мир
Становится чьим-то вздохом.

И больше нет смысла ждать,
И в принципах прятать слёзы,
Как только с неслышным "Да"
Становятся всё серьёзным.

И больше нет свих и свит,
Нет гордости или мести.
Когда ты готов к любви,
Она становится честной.

* * *

Когда подводят люди и дела,
Мы остаемся в царстве строк и песен.
Пусть кажется - вселенная мала,
И мир от боли сумрачен и тесен.

Пусть преданные предают друзья,
Любимые становятся любыми,
А я пою, симфония моя
Звучит вечерним улицам во имя.

Созвездий нотных льющийся хрусталь
Спасением опустится на город.
В кармане плеер - как святой Грааль
Врачует душу тихим ля минором.

И ночь как откровение света,
Предвестница любви и революций...
Когда подводят люди и дела,
Нам музыка и небо остаются.

**СВЕТ
ИЮньский**

**Григорий
КНЯЗЕВ**

*студент филологического
факультета*

* * *

Я хочу подносить тебе клюквенный морс и салфетку;
Я хочу у постели твоей пропадать до зари;
И с тобою молчать; и смотреть на засохшую ветку
Над окном и на тусклые эти вдали фонари;
Я хочу утешать тебя словом, и взглядом, и делом;
И жалеть, охраняя твой сон, что не в меру тяжел;
И держать тебя за руку в доме твоём опустелом...
Ты, наверное, хочешь того же? - Чтоб я не ушел...

* * *

Я вижу небо. В небе - облака.
За облаками солнце догорает.
Душа моя озябшая легка, -
И вместе с нею город замирает.

Я вижу землю. На земле - дома.
В них люди вечер будничный встречают.
А за домами - церковь и тюрьма;
Вокзалы - там, где встречи назначают.

Я вижу лица - в россыпях огней,
И листья - в свете вывесок манящих.
Но я бегу - чем дальше, тем верней -
От радостей живых и настоящих.

Прощальный слышен поезда гудок -
И кто куда расходится с перрона.
Гудит фонарь. В руках моих платок.
И за спиной - продрогшая ворона...

В ПАРКЕ МОНРЕПО

Дивный город - день вчерашний,
Путеводная звезда, -
И молчат седые башни
Там, где сходится вода...

Там, где сходятся эпохи
На развалинах дворов...
И шаги слышны, и вздохи.
Город холоден, суров.

И асфальт корнями вспорот
В узких улочках его.
Думал я, что этот город -
Сон, и больше ничего.

Но уже, сроднясь душою,
День проводим не спеша,
И не кажется чужою
Даже чуждая душа.

И ведет косая арка,
Та, что падает во мглу,
В глубину пустого парка,
На отвесную скалу.

А старинные скульптуры
Меж камней и тонких ив,
И задумчивы, и хмуры,
Смотрят жалобно в залив.

А разросшиеся ветки,
Словно змеи по камням,
У заброшенной беседки
К древним тянутся корням.

* * *

Я на ночь заварю ромашку,
Сниму нарядную рубашку,
Надену бежевый халат -
И стану петь на новый лад.
И в этом бежевом халате
Я буду, как больной в палате,
И снова сонная постель.
А за окном кружит метель.

Но что тебе до той метели?
Часы мои - твои недели,
Мои слова - твои слова,
И карандаш чертит едва.

И что тебе мой голос скучный,
Такой холодный, однозвучный?
И что тебе карандаши?
Всё пропадет, что ни пиши.

Ты выльешь на свою бумагу
Любовь, безумие, отвагу.

Возьмешь короткий карандаш -
И душу за него отдашь.

А что мы ищем, Боже правый?
Не может быть! бессмертной славы
Иль славного бессмертья, друг,
Где в вечности растает звук.

* * *

Зимний вечер - сизый дым
Над заснеженной дорогой.
Там, за лесом молодым,
Месяц плыл ладьей двурогой.

И сидела в той ладье
То ли дева, то ли фея, -
И неслась в небытие,
Холодом прощальным вея.

И мерцали два крыла
За небесною волною,
И ладья плыла, плыла
Над равниною земною.

И светились небеса
От заманчивого света,
И свершались чудеса
В эту ночь, во время это.

* * *

Я на тебя смотрю
Закрытыми глазами;
Я чувствую зарю,
Омытую слезами.

Отчаянный, слепой,
Шагаю за судьбой.

Ты видишь Божий свет -
Тебе и свет не дорог?
Мы как на склоне лет,
И всюду хлад и морок,
И плач, и крик, и стон,
И ночь со всех сторон.

Мы входим в мир земной,
Возводим храм, жилище, -
Уходим в мир иной,
Оставив пепелище
Сей жизни; встав из тьмы,
Где раньше жили мы.

И на краю живой
И видимой Вселенной
Становимся травой,
Иль птицею надменной,
Иль вещью звездой,
Иль ветром, иль водой...

* * *

Я люблю тебя, осень, за ранние эти закаты.
И за северный ветер в лицо, как твое: "Не грусти!"
И за странное чувство, что целая жизнь - позади,
Обернешься - и только крылатой листвы водопады.

Я люблю тебя, осень, за близость - награды? расплаты? -
Точно свидимся вновь, дай нам Бог, на обратном пути.
И за серые эти, холодные эти дожди -
Затяжные, сплошные, как скуки немые набаты.

* * *

Этот вечер - последний в нелегком году.
Мы такие, как прежде.
Ты ко мне не придешь, я к тебе не приду.
Вся-то радость в надежде.

Этот вечер - последний в нелегком году.
Помяну прожитое.
А по кромке мечты, как по тонкому льду.
Не сказать, что пустое.

Этот вечер - последний в нелегком году.
Не тоска, но разлука.
Всё, что прожито нами, - у нас на виду.
Календарная скука.

Этот вечер - последний в нелегком году.
Нам укрыться б в пустыне
Лучезарных снегов... А родную звезду
Не достать на чужбине.

* * *

Пора собираться в путь,
Отбросив и меч, и щит.
Рассыпана в небе ртуть -
Отчаянный ветер спит.

Пора собираться в тишь,
Забыв и любовь, и злость.
Срываются звезды с крыш
И шепчут: "Ты - гость, ты - гость..."

Пора собираться в глушь,
Оставив и дом, и сад.

"Ты был и жених, и муж,
А станешь - и кум, и сват.

Ты был и слепой, и злой, -
И сад невзлюбил, и дом,
А станешь вечерней мглой
Над первым осенним льдом..."

* * *

Я плачу над песней твоей,
Ушедший навеки из мира...
Твоя утомленная лира
Тебя оказалась живей.

Я плачу, я плачу, а ты,
Доверив движение звуку,
Ведешь за собою по кругу -
Нисходишь ко мне с высоты.

Всего мне хватает сполна.
Я счастлив? Не знаю. Быть может.
Но душу невольно тревожит
Непонятых строф тишина.

Не важно, что молод, что сед,
Ни имя, ни время не важно.
Ты пел, как ребенок, отважно,
И только молчанье - в ответ.

Ты пел - и утешная весть
Неслась за тобою повсюду.
Ты верил и слову, и чуду.
Ты верил... Но где же ты есть?

* * *

Темной шторой окно занавешено.
Глаз, однажды ослепших, не прячь.

Счастье юности с горечью смешано,
Счастлив тот, кто родился незряч:
Дар небесный - особое зрение.
Даль чиста - ни земли, ни луны.
Тайных снов неземное горение,
Словно отзвук ночной тишины.

ПОПУТЧИК

Где-то в соседнем вагоне заплачет гитара,
И запоем-заиграет печальный брютет.
Кто-то заглушит дыхание легкого дара
Звоном затертых, и серых, и тусклых монет.

Музыка смолкнет, и станет спокойней и тише.
Поезд вечерний по-прежнему будет стучать.
Милый попутчик, садись, если хочешь, поближе:
Ехать и ехать еще - я устану молчать.

В окнах мелькают огни, станционные будки...
Милый попутчик, в какие ты едешь края?
В эти минуты сердца удивительно чутки
И откровенны, как грустная песня твоя.

Выйдем на гулкий перрон, где метель напевает.
Толком еще не сойдясь, разойдутся пути.
Поезд уходит в депо, зимний день убывает.
Сможем ли вновь в этом мире друг друга найти?

* * *

Острова-корабли -
От земли до земли.
Тень Циклопа в пространствах циклона.
Дальних гор паруса,

И до нас голоса
Долетают со дна небосклона.

А седой материк,
Бородатый старик,
Хмурит брови, разводит руками.
И, кричи-не кричи
В ясный день из ночи, -
В разногласии с материками.

Пусть единство морей -
Чем сильнее, тем скорей -
Разрушает земные единства.
Но планета Земля
Словно создана для
Исцеляющего материнства.

* * *

Снимаю с лица засыхающий грим,
У нежной природы заимствую краски -
И в душу любому смотрю без опаски
И словом делюсь, как своим.

Предчувствую жизни негласный закон.
Он выше морали и вечного Слова:
Он, может быть, слову - фундамент, основа;
Он хрупкому времени - фон.

От дома до дома считаю шаги,
От слова до слова считаю пробелы, -
И руки трясутся, и ноги несмелы,
А там: "Опоздаешь! Беги!!"

Шагну - и услышу за тонкой стеной
Заснувших светил незнакомые звуки,
Скрещу на груди непослушные руки -
И голос утрачу земной.

И выроню слово из будущих книг,
Не зная ни чувству, ни разуму меру,
Земную любовь принимая на веру, -
Далеких небес ученик...

Марина
АЛЕКСЕЕВА
*выпускница филологического
факультета*

* * *

Будет зима.
будет всё чёрно-белым -
белые сны
о далёких пределах.
И паутинами
чёрные ветви
будут сплетаться
в двуцветие - петлей.

Будет зима.
Будет глянец лазури,
блеск ослепительный
сложных ажуров.
Будет во рту
привкус талых сосулек...
Хрустнет зима
толстым слоем глазури.

2010

* * *

Сомнамбулическими снами
полна бесцветная зима,
одета в долгий белый саван,
в смирительные рукава.

И я смиряюсь постепенно
в той летаргии до весны.
Мне в этом плене утешеньем -
сомнамбулические сны.

Декабрь 2010

Юлия
ЛЕТОВА

*выпускница юридического
факультета*

РАССВЕТ

Было тихо вокруг
И природа спала,
Но как будто бы вдруг
Красота ожила.

Небо стало лазоревым.
Вот чудеса -
Солнца луч золотой
Зажигал небеса.

Заискрились в потоках лучей облака,
Ветер теплый несмело качнул васильки
И зарделись верхушки деревьев слегка,
На траве засияли росы пузырьки.

И запахло весной и теплой землей,
Птицы звонкая трель над рассветом звучит.
И бежит ручеек с бирюзовой водой,
То безумно клокочет, то тихо журчит...

Что с природой случилось?
Вокруг так свежо...
Это утро явилось!
И всем хорошо!

* * *

Серый мокрый асфальт,
Ветер волосы рвет.
Глаз, блуждающий взгляд,
Неба черного гнет.

Хлещет дождь по щекам,
Светят фары в глаза.
Как вернуться назад,
Мне никто не сказал.

Впереди темнота,
Сзади свет фонарей.
Рвется хрип изо рта,
Разум шепчет: "Не смей!

От себя не уйдешь,
От проблем не сбежать.
Нужно сдерживать дрожь
И на тормоз нажать.

Ведь не поздно пока
Обернуться назад,
Где в квадрате окна
Светят звезды лампад.

Где тебя могут ждать,
Понимать и любить.
Где ты сможешь понять,
Как же здорово жить".

Слабость в ватных ногах,
Руки мелко дрожат.
Разум, как же ты прав,
Нужно срочно назад!..

Все застыло кругом,
Я с колен поднялась,
И обратно бегом,
Со всех ног понеслась.

* * *

Чайки плещутся в волне.
Я в тебе, а ты во мне.
Солнце пишет по воде
О моей любви к тебе.

Ветер вьется в поднебесье
О тебе поет мне песню.
По озерной глади свет -
Это мой тебе привет.

Через вату облаков
Рвется светлая любовь.
Чайки плещутся в волне.
Я в тебе, а ты во мне.

БУДУ ЖДАТЬ

"Без сомнения, да", - голос доктора вдруг прозвучал.
Я была не уверена, ну а теперь буду знать,
Что еще одно счастье большое мне Господи дал.
Ведь уже ты со мной и тебя у меня не отнять.

Через озеро мост берега приближает, как может,
И плакучие ивы шумят над прозрачной водой.
Сердце бьется так часто и "стаи мурашек" по коже.
Очень-очень тебя буду ждать, хоть уже ты со мной.

Неожиданно катятся слезы, глаза, застилая,
Эти чувства, бурлящие в сердце, мне не передать.
Время будет лететь, нашу встречу с тобой приближая.
Ты отныне частичка моя, я тебя буду ждать.

**СВЕТ
ИЮньский**

**Олег
ЯРОВИКОВ**

*старший преподаватель
кафедры педагогики*

* * *

Не пробуждайте зависти у дурака и умницы!
Один - казнит безжалостно, другой - найдет слова,
Которые рассыплются дождем по узким улицам,
И от которых вы потом отмаетесь едва.

Не пробуждайте зависти у одинокой женщины.
Она поймет, что вы теперь с другой наедине,
И, затаив обиду на сердце нежном трещины,
Решит, что одиночество вам нужно пить вдвойне.

Опасно чувство зависти среди непонимания -
Когда вдруг ваша логика прольет над бездной свет,
Скрипя, поднимут головы тупые изваяния,
И на руинах прошлого построят свой ответ.

Не пробуждайте зависти у ваших же завистников -
Всех тех, кто ищет повода, и ненавидит вас.
Они всегда простужены, в ночи боятся призраков,
Живут с кривой улыбкою и дышат через раз.

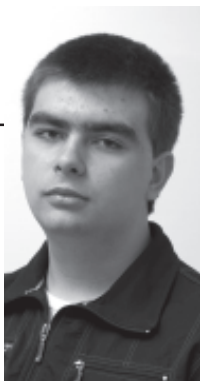
ИСТИНЫ ВОСТОКА

Дух иссушив, мы припадем к истокам -
Их здесь полно, куда не посмотри.
Произрастают истины Востока
Зеленым чаем у меня внутри.

Я постигаю воплощенья Дао,
Когда с соседом спорю, что не пьян.
И женщина, с которой я бываю,
Еще надеется на силу "инь" и "янь".

Затопим печь страницами "И-Цзина",
Пусть взвоят в небо голос перемен.
А киевский фарфор из магазина
Чуть оживит узор кухонных стен.

Дорогой жизни нам брести к истокам.
"Снег шел всю ночь, а утром мне идти..."
Ну, вот и я в отпущенные сроки
Спешу слова косичкой заплести.

**СВЕТ
ИЮньский**

**Виктор
КАРПУШКИН**

*студент механико-энергетического
отделения*

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Когда встречный ветер мне в паруса,
Ты хочешь мне помочь, но я уж как-нибудь сам;
И я лучше напьюсь или схожу в спортзал,
Лишь бы не попадаться тебе на глаза,
Лишь бы избежать твоего взгляда
И тех чувств, что накроют плеядой;
Не видеть, как ты ищешь под ногтями грязь,
Которой там и не было отродясь!

Мне снова будет сказать нечего,
Я опущу голову и подниму плечи.
Ты поднимешь вопрос, на который у меня нет ответа,
И на какое-то время это будет концом света,
Который, в принципе, тоже когда-то кончится...
А для нас это пока одиночество!
И, конечно, в этом моя вина,
Но отношенья всё умножают на "2".

И я рад бы был быть с тобой рядом,
Чтобы гасить пыл, а не расщеплять атом,
Но, к сожалению, так уж повелось,
Что в одиночестве я преодолеваю злость...
Что я силен только, когда один,
И я готов к ураганам и сходам лавин...
А ты пойми, хоть тебе и не хочется,
Что волк уходит умирать в одиночестве...

РОНИИ

Во все времена были самураи и ронины -
Те, что проливали кровь ради родины.
Для одних концом стало харакири,
Для других - жить войной, мечтая о мире.
И мы не видим их на полосах газет,
Не замечаем на полосатом флаге.
Их уже как будто бы и нет,
Тех, кто в заботах о некоем высшем благе
Проводит долгие часы, тренируя тело,
Выплёскивая в силу то, что накопилось;
То, что на душе, не превращая в эмоции,
Жертвует всем, чтобы спасти социум.

Это не Организация Объединённых Наций
Заставляет их ради нас стараться.
И нет такой конторы под чьей они эгидой,
Но они по праву могут считаться элитой.
И мы квиты вряд ли станем с ними когда-то:
У нас ноль целых ноль десятых подвига на брата.
Мы перед ними в долгу, но не пойми превратно -
Для них это не повод повернуть обратно.
И многократно, смотря на мир многогранный,
Я применял не по праву весь свой словарь бранный,
Но даже после двадцати лет ходьбы строем,
Я, как наивный мальчишка, верю в героев.

А эта вера, как сила или что-то вроде,
Хотя слова здесь не играют большой роли,
Но мою веру в мир никто не тронет,
Пока дышит ещё последний ронин.

Не веришь в сказки уже и планов на жизнь не строишь,
Хотя потенциал есть, задумайся, кореш!
Не видишь смысла вставать, когда жизнь уронит?!
Может, ты и есть тот последний ронин!

**СВЕТ
ИЮньский**

**Виктория
ВОЕВА
(1986 - 2011)**

*выпускница филологического
факультета*

МАРОККО

Марокко - чудная страна!
Она иллюзии полна:
Рабат, Мекнес, Фет, Касабланка...
Как все загадочно и жарко!
Там море слито с бирюзой,
Маня в оазисов долину
Песчаных пляжей, бедуинов.

Верблюдов караван шагает...
Он что-то шепчет, что-то знает,
"Шукран" тебе за то, что ходишь,
Что тайны здешние покоишь!
Часов здесь не найдёшь нигде,
Лишь солнца свет и муэдзины
Заменяют их тебе, ты верь им!

Народ здесь сдержанный живёт,
Гостеприимный, милый, чуткий,
В мечеть он ходит, коран чтёт,
Суровый вид касбахов чуден!

Он чуть причуден, но велик!
И окружён Марокко ими,
Как крепость.

Это всё - их сила!
Воистину! О, как красиво:
Средневековый остров мира!

2001

ПРОСТИТУЦИЯ ДУШИ

Заглушённые монетным звоном,
Голосом души - немые,
Не мы ль теряемся в просторах,
Круговорота похоти и лжи.

Не мы ль, приняв за чистую монету,
Ложимся под обочину судьбы,
Витая в своих колющих скелетах,
Питая свои бранные жиры...

До глобальности - всё скупается,
До чувств... присыпанных бумажным пеплом.
"С добрым утром!" - всё начинается,
А кончается - "Чтоб тебя..." бегло...

2010

***“я не хотел бы,
с чистого
листа...”***
третий раздел

СВЕТ
ИЮньский

Руслан
ДЕРИГЛАЗОВ
*ответственный секретарь
журнала "Вестник НовГУ"*

ОТЗВУК ДАЛЬНИЙ

Стихи разных лет

* * *

Окатный жемчуг невелик -
окатит холодом мгновенным,
восторга хладнозвучной пеной -
стоять на месте не велит...

И деться некуда - в обрез
ноге пространств и нег гортани -
здесь места нет для бормотаний.
Лишь - гимн судьбе наперерез!

* * *

Воды времени - ключом:
то холодным, то горячим!..
Как доверьем - облечен
вдохновением незрячим...

* * *

Пока мы порознь жизнь не ведали
с ее горючими несчастьями,
мы обходились полубедами,
друг другу приходясь случайными
не-встречными и не-попутными,
пока слепительными тайнами,
как бесом, не были попутаны
и не сроднились - два отчаянья.

* * *

- Куда, куда вы на ночь глядя! -
Не осознать, не отдохнуть.
И зеркалами водных гладей
перемежался долгий путь.

Разрыв

Кто был мне другом - другом не был.

Любить еще не перестав, -
всей отдаленностью застав,
шлагбаумов, сырого неба,
растянутого на шестах,
клялся - с присолом на устах -
что: нет же - нет, не предал!
не мог! клеветчете! не сметь! -
и ворот отдирает от горла.
А в сердце - горько глохла медь
и правда сухо горкла.

* * *

Огрызком холодного вечера
в стихи мои пала луна.
Ну что ж, коль надеяться нечего,
не выпить ли на ночь вина...

* * *

Я - ветер...
 Так вот почему
в квартире такой беспорядок
и родина - в снежном дыму.

О, этот студёный припадок
пространства ко рту твоему! -
как горек он, если не сладок

(а сладок лишь мне одному
в безветрии прежних повадок,
которых и в ум не возьму)...

А впрочем... к чему - об уладах...
Ведь люди бредут в полутьму,
приникшую к весям и градам,

в бессветную их кутерьму...
Сколь миг постижения краток:
о Боже, так вот почему

я - ветер!..

* * *

...А воровато серенький денек
так полн собой, почти невероятный,
что сквозь восторг, певучий и невнятный,
почти не слышен сердца тихий ёк.

Память смертная

Ах, как люди устают!
Как хотят они покоя.
Им мерещится земное
счастье: благодать и уют.
Легкое, недорогое...

Ни тернового венца,
ни голгофы, ни распятия,
не вмещают их понятия:
им комфорт затмил сердца,
и чтоб веселье без конца!

Но конца не избежать
(грубость сознаю свою) -
не желая утешать,
повторять не устаю:
не распятых нет в раю.

Участь

А нам исполать
гореть-горевать.
Выгореть дотла,
чтобы - даль светла.

**СВЕТ
ИЮньский**

**Светлана
ДЕРЕПАЩУК**
*поэт, член СП России
(Великий Новгород)*

ДОМ

(Поэма написана в соавторстве с Игорем Ильхом)

- Когда глаза закрою, тебя увижу, милый!
Когда ты уезжаешь - тебя в себе храню.
- А если между нами пролягут странствий мили,
Наступит прочерк ночи вслед солнечному дню?
Поникнет парус счастья безветренно на рее,
Затянет лёд разлуки весеннюю росу...
- Тебя своим дыханьем, любимый, отопрею.
Тебя своей любовью, любимый, я спасу!

* * *

Мы дом приветливый нашли.
Такой причал всегда есть где-то:
встречать из мглы улыбкой света
людей, блуждающих вдали.

Вела тропинка через лес
в травой заросший палисадник;
Явился Месяц, словно всадник,
на зыбкий чернозем небес.

И света лунного жакет
от плеч сосновых мезонина
сбегал на глянец пианино,
на половицы, на паркет,

на паперть узкого крыльца,
на прежних странников портреты,
спеша раскрыть свои секреты
иным, взволнованным сердцам.

Тропинка к дому, в нём цветы
встречали нас в партере окон,
и белой розы бледный кокон
своей стеснялся наготы.

Мы шли, пушистые птенцы,
на свет в распахнутом окошке,
и нам любовь несла в ладошке,
как детям малым, леденцы.

* * *

Веранда дома знакомого:
там - абрис леса изломанный,
тут, в бликах влажности пресной,
чуть слышно - озера песня...

Вал яблоч тонко, кружочками,
вдвоём мы режем. Шажочками,
пунктиром взглядов, улыбок -
путь речи тонок и зыбок...

- Привет! Как яблоко? - Кисленько.
- Шептал стихи? - Мысли, искорки...
- Пойдём, в закат поныряем,
он, видишь, в озере тает!

Объятий нежные пристани
раскрылись просто и искренне.
И плавил цвет до рассвета
финал горячего лета.

Варили джемы и укусы.
Любили, пели и куксились.
Засыпав фруктов на сушку,
мы время брали на мушку...

Листались дни с переменками.
Вскипали радости пенками,
а горечь? Ну, подгорело...
Варенье - сложное дело.

Усохло яблоко, морщится.
- Пора. Мне вдаль... Знаешь - творчество...
- А я закат порисую.
Мы врозь. Вновь осень. Тоскуем.

Перила бархатны, изморозь.
А солнце тускло - не выпалось.
фальшивой, медною брошкой
котёнка дразнит в окошке.

* * *

Мы, как искусственная елка
(и не пахуча, и не колка,
взъерошена в углу гостиной),
среди шаров блестим картинно,
согласно правилам игры,
фольгой вчерашней мишуры.
А где-то бьют куранты встречу,
и шаль любви кладет на плечи
двоим улыбчивый Эрот.
- Постой, мгновение! - Пройдёт...

И вновь затянут облака
собой дуальность диалога.

Уже в пространство эпилога
бежит уверенно строка.

Забиты окна и забыт
причал, как яблоко под снегом,
и две звезды расстались с небом
в хрустальном холоде обид.

Судьбы оплавилась свеча,
скрипит заброшено калитка.
И дом расстроен, словно скрипка
Без чутких пальцев скрипача.

* * *

Стены ершатся белой щетиной:
выдох в мороз - иней...
Здесь прорисована лет паутина
прорезью трещин-линий.

Время уснуло. И мёртвою хваткой -
боль, одиночества сгусток.
С неба причастием снега облатки...
Дому без жизней пусто.

Кот не находит завтрака в миске
и не поёт на крыше.
Дом исключён из общего списка.
Дом покидают мыши...

Скрипы... Заныли щели и раны.
Бросил сквозняк горсть пыли.
Роза в бутылке ссохлась до граней -
калька, чертёжик были...

А на оконных стёклах вязь линий -
по окоёму маслом.
Вспышкой заката яркой, павлиньей
дом награждён? Наказан...

Гром средизимний, выплеск озона,
памяти вспышки, блики...
В доме под снос, где нежити зона,
живы любимых лики.

* * *

- Когда глаза ослепнут, когда умолкнут звуки,
когда из сотен тропок мне выпадет тупик,
я лишь одно припомню - тепло, что дали руки.
И этого довольно на Вечность. И на миг.
- А если снова встреча, неузнанных, но близких,
и если это правда, что жизни - чередой?
- Я по щекотке смеха, по слёзной соли брызгам
тебя узнаю, счастье, и приведу домой...

14.02.11 г.

Андрей
ЕГРАШЕВ

*выпускник НПИ, член СП России
(Окуловский район)*

* * *

Зачем своим пренебрегаем днем,
Сверх меры восхваляя день вчерашний?
Черпаем уважение к предкам в том
Иль утолить злословье только жаждем?
Оно не напоимо, вот те Крест!
За все благодарить нам должно Бога.
Синеет небо. Зеленеет лес.
Желтеет вдаль идущая дорога.
Погост, кресты... Родные, мы живем!
За вас, и за себя, и за грядущих
Потрудимся, помолимся. Поймем! -
От нас зависит, чтобы стало лучше.

ФЕВРАЛЬ

Еще синица не поет,
День робко светом набухает,
А сердце радость не вмещает
В пусть даже свой последний год.

Уже нет дела до хлопот,
Не нужно возводить чертоги,
Ушли вчерашние тревоги,
Ведь наступил - последний год!

И снова в детство попаду,
И буду с вами без боязни,
Прощанье отмечать, как праздник
В своем предбудущем году!

* * *

Поселковые мальчишки,
Сбитые коленки,
Речка, лес, в кармане спички.
Сашка, Колька, Генка.

Два за русский, пять по физре,
Батькин подзатыльник.
ПТУ, гитарный вызвон,
Практика, будильник.

На троих бутылка водки,
Первая получка.
Два в Афган, и в зону "ходка",
Разбери, что лучше.

Дембель, гласность, перестройка,
Водка по талонам,
От старухи самогонка,
Генке снова зона.

Сашкин батя удавился,
Яму рыли вместе.
На поминках тесть опился,
Будничные вести.

Понедельник, воскресенье...
Пьянки хороводы...
Нет просвета, нет спасенья,
Сельскому народу.

В судьбах не найдешь различья,
Без расстрела "стенка".
Русь. Погост. Кресты. Таблички.
Сашка. Колька. Генка.

* * *

Ночью сел я на поезд,
Это было давно.
Кто-то спал, кто-то бредил,
Кто-то плакал в окно.

С этим странным народом
Стал я вдруг заодно -
То я спал, то я бредил,
То я плакал в окно.

...Неприкаянным душам
Колесить суждено -
Кто до станции Небо,
Кто до станции Дно.

* * *

Дворничиха асфальт метет,
До метет и пойдет пить чай,
Этой тетке хватает забот,
Я таких здесь много встречал.

У нее похоронен муж,
Сильно пьет-обижает брат,
На душе у ней - стылая глушь,
Ну, а если точнее - ад.

Говорил я ей - брось курить!
И конфетками угощал.
Но ее мне не убедить,
Я таких здесь много встречал.

Пока курит, любит кормить
Голубей - вон, опять летят!
Я уверен - Господь простит
Переживших заживо ад.

* * *

Жестоко мир наш устроен! - здесь предначертано всем:
Либо богат и доволен, либо... висишь на Кресте.
Мерзко довольство такое - ангела падшего честь.
Если не умер душою, значит, ты выберешь Крест.
Не существует иного - как ни кривляйся умом,
Как ни ищи обходного - надо спастись Крестом!

* * *

Появившись на свет вопреки всяким средствам,
Он плохого не знал и с собой не принес,
Не признали его - был то ангел небесный,
И заставили жить, так как здесь повелось.

Только ангелу жить так заведомо тесно,
По асфальту ходить и про крылья не знать,
И бесовское зелье принял ангел небесный,
Чтоб хотя бы во сне удалось полетать.

Не от дури его отучали - от детства,
Так, что думать забыл о сердечном тепле.
Знайτε, он по рождению - ангел небесный!

* * *

Ассоль - старуха, и работает в ларьке,
Сам Грей давным-давно не капитан,
Они живут от океана вдалеке,
Который, как и прежде - океан.

* * *

Моей Джульетте тихо-мирно - сорок пять!
И тех, с кем рок играл, не узнаю парней,
Они "В контакте", в "Одноклассниках" висят,
А я завидую погибшим на войне.

* * *

Где-то сейчас шторм, снежная круговерть,
А я лежу под теплым одеялом.
Где-то сейчас боль, где-то теперь смерть,
А я закрыл глаза - и горя мало.

Где-то сейчас страх, отчаянье и беда,
А я богат, безстрашен, близок власти,
Знаю, что всех умней: уверен, что никогда
Мне не грозят подобные напасти.

Умру - когда еще! Старость на чистом белье,
Вежливый врач, уход, дорогие лекарства,
Где же ты, шторм, где? Страх и беда, где?
Где же ты, где же ты, где, Божие Царство...

* * *

Я мыслями вознесся высоко,
Ногами не изведав бездорожье:
Во славу Божью пишется легко,
Трудней гораздо жить во славу Божью!

**СВЕТ
ИЮньский**

**Анатолий
ЖУКОВ**

заведующий кафедрой русского языка

ВЛАДИМИРУ ВЫСОЦКОМУ

*Я хотел бы жить и умереть в Париже,
Если б не было такой земли - Москва.
Владимир Маяковский*

Не успел издать при жизни книжек,
И не все он прохрипел слова...
Жил и умер бы поэт в Париже,
Если б не было такой земли - Москва.

Песни опаленные, с надрывом,
И стихи, как голый нерв, навзрыд.
Кони в пене стали над обрывом,
Сердце обнаженное горит...

Будут петь другие, громче или тише.
Не умолкнет праздная молва ...
Он хотел бы жить и умереть в Париже,
Если б не было такой земли - Москва.

23 октября 2005 г. Новгород

ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ ГОД

Девяносто третий год,
Не избыть тебя в народе.
И сам чёрт не разберёт,
Что стряслось тогда в природе.

Брат на брата встал стеной,
И от злобного бессилья
Чёрный ворон над страной
Распростёр срамные крылья.

Не забыть весёлый взгляд
Отставного капитана.
Вёл на смерть он свой отряд
Иль в бессмертие так рано...

Ах, гражданская война,
Ты кому-то мать родная.
А душа моя одна
Там осталась, умирая.

24 октября 2007 г.

* * *

Я не хотел бы с чистого листа
Начать всю жизнь - мне б перечесть страницу...
Вернуться хоть на миг в отцовские места,
Родителей живых увидеть лица.

Еще никем - и Богом не судим,
Не знающий ни бед, ни совести томленья, -
Я низко поклонился б им
И попросил прощенья.

9-10 января 2011 г.

**Ирина
НАЗАРОВА**

доцент кафедры иностранных языков

ВОСТОЧНЫЙ ТАНЕЦ
(Саломея)

Под голос флейты серебристый
Ступает дева на ковер,
Звенит роскошное монисто,
И рук ее лилейных кисти
Рисуют сказочный узор.

Она встает на полупальцы,
Изгиб - свивается в кольцо,
Глаза горят огнем бенгальским,
И восхитительным румянцем
Вмиг заливается лицо.

Стан выпрямляет. Откровенны
Ее движенья и легки,
Порою дерзки и надменны,
Порою медленны, степенны,
Как воды плавные реки.

Семь покрывал прозрачно-снежных
С оттенком радужных тонов
На ней, как семь объятий нежных,
Поочередно, безмятежно
Спадают, словно семь оков.

Фигуры танца филигранны,
Танцуют плечи, грудь, живот,
Танцуют бедра в такт тимпанам,
От вожделенья полупьяный
Антипа Ирод к ней идет.

Она стоит, потупив очи,
Он молвит: "Всю озолочу!
За ласку предстоящей ночи,
Что гурия лазури хочет?" -
"Главу Крестителя хочу".

В смятенье Ирод: он не властен
Над чувством. Из последних сил,
Предчувствуя душой несчастье,
Он борется...! Но!.. голос страсти
в нем голос разума затмил.

Изрек предшественник Иудин:
"О, горе мне! А посему...
Я клятву дал... Эх... будь что будет..."
И вот уже несут на блюде
Предтечи голову ему.

28.02.2011

ТАНГО

Ты родилось в краю, где манго
Так много, как у нас берез,
Обворожительное танго,
С душою аргентинских роз.

С душой разлуки и надежды,
И терпким привкусом вина,
И солнцем пахнувшей одежды,
И взглядом солнечным, без дна.

С душой, взведенной до отказа
Пружины, жаждущей взлететь,
Дурманом страстного экстаза
Огня, в котором всем гореть,

Рокочут ритмы, словно волны,
Когда волнуется прибой,
И чувства жгучие невольно
Пульсируют наперебой.

Танцуй, тангеро, рви на части
сердца, нельзя не согрешив,
понять всю силу этой страсти,
бессмертной, как огонь души.

18.03.2011г. Великий Новгород

ВАЛЬС

Задумчивый,
воздушный,
нежный,
Из лилий сотканный и грез,
Волшебный,
плавный,
безмятежный,
в венце из белоснежных роз.

Что может быть прелестней вальса?
Представьте: вечер, тишина,

И шепот тихий: "Не печалься,
Смотри, как кружится луна
Среди созвездий, как по лугу,
И звезды, словно фонари
Кружатся вместе с ней по кругу,
Вальсируя - и раз, два, три!

Ты в этом платье, как принцесса,
Как фея утренней Зари...
Смелее... правая без веса?
- танцуем с правой: - раз, два, три.
Пройдемся вальсовой дорожкой,
Здесь балансе и поворот,
Все начинаем с левой ножки -
Ты шаг назад, а я вперед.

Не плачь, разлука быстротечна...
...Нет, ничего не говори...
Ты скоро в платье подвенечном
Меня обнимешь... раз, два, три..."

2011

ЦЫГАНСКИЙ ТАНЕЦ

Три гитары, старинная скрипка,
И цыганский распев вековой,
Про глаза, про любовь и улыбку,
Про печаль вперемешку с тоской.
И наполнится купол хрустальный
Звуком, льющимся через края,
Оттого и на сердце печально,
Даже если печаль не своя.
Вот по кругу, очами сверкая,
- чернокрылые брови вразлет -
Смуглокожая и молодая,

Дочь цыгана, танцуя, идет.
Шаль цветастая, блуза в оборках,
Полумесяцем серьги в ушах,
не тебя ли описывал Лорка,
Опьяненный тобою, в стихах?
Золотое монисто на шее,
Под ногами монисто берез,
Пышной юбки взлетающий веер,
А в душе, если страсть, то всерьез.
Начиная проходкой неспешной,
Пробуждаясь как будто от сна,
Вспоминая о времени вешнем,
Шаль небрежно снимает она.
Гипнотическим взглядом колдуньи
Всех обводит, сидящих вокруг,
колдовство начинает плясунья,
С обольстительной магии рук:
То, взлетая, крылами орлицы,
То с изломом индийских корней -
Нет, цыганкою надо родиться,
Чтоб делиться печалью своей.
Постепенно в ней кровь закипает,
Все словами и не передать -
Танец бешеный темп набирает,
Шквал эмоций уже не сдержать.
Мелкой тряской заходятся плечи,
Разгорается ярче костер,
Все танцуют: и звезды, и вечер,
музыканты, и гости, и хор.
Эта истина - страсть без предела,
Без притворства - и сводит с ума!
В этом танце в поющее тело
Воплотилась природа сама.

2011

ЕГИПЕТСКИЙ ТАНЕЦ

Среди старинных манускриптов,
Античных фресок и скульптур -
Папирус Древнего Египта
С изображением фигур.

Простые линии и формы,
Объема и пространства нет -
Застывший мир, Мир иллюзорный
Загадочной страны Кемет.

В цепи причудливых движений,
Возможно, танцевальных поз,
Времен минувших отраженье,
Источник найденный донес.

Воображенье оживляет
Тела египетских богинь,
Хотя сквозь маски проступают
Черты божественных рабынь.

Под маской горестей не видно,
К тому ж скрывают их с лихвой
Разрезы глаз миндалевидных
Под малахитовой чертой.

В гармонии сосуществуют
Звон тамбуринов, флейты звук,
И геометрия чарует
Изогнутых скульптурно рук.

В ладонях, к небу обращенных,
Несут в честь света и добра
Они по две свечи зажженных
Как символ культа бога Ра.

И не танцую, а летая,
Они жонглируют огнем,

Так, словно бы с огнем играют,
И забывают о земном.

Они - живые статуэтки,
Одетые в прозрачный лен,
летят, как будто души предков
В наш мир из глубины времен

2011 апрель

ФЛАМЕНКО

В зале гаснут огни.
Устремляются взоры
К освещенным подмосткам. На них
Разгорается пламя
В крови байлаоры,
разжигая костер для двоих.

Горделивая поступь
танцующей махи,
убыстряющий ритмы кахон,
и, летящий, как лебедя крылья
на взмахе,
белоснежный испанский мантон.

Бьется сердце фламенко
струною гитарной,
бьет о дерево пола каблук,
и танцует волшебю
под эти удары
говорящая пластика рук.

Канте хондо и танец -
так было вначале,

Это все от рожденья в крови,
Голос боли пронзительной,
голос печали,
опьяняющий голос любви.

От танцовщицы глаз
отвести невозможно -
вот она - для души западня -
магнетический дар,
дар природы,
дар Божий,
сколько грации в танце огня!

Только мнимая сдержанность
взрывоопасна,
пламя страсти нельзя погасить,
покоренный фламенко,
счастливый-несчастный,
обречен этой страсти служить.

Апрель 2011

ФЛАМЕНКО ***(танец брошенной невесты)***

Поверх подвенечного платья
наброшена черная шаль,
а ведь не обижена статью,
и не преступила мораль.

Подходит она к музыкантам,
В молчании гости стоят -
И ! -
планта,
 такон,
гольпе,
 планта -
И полный решимости взгляд:

"Возьмите гитару, маэстро,
Я буду сейчас танцевать,
Сыграйте о том, как невесту,
Женой отказались назвать.

Смелее, смелее, поверьте,
Вам выпала важная роль -
Запомните все вы до смерти
Души моей горечь и боль".

С отчаяньем раненой птицы
Крылато взлетает рука,
И гордая поступь царицы
Ведет ее через века.

Не плачет и не причитает,
И нет ни слезинки в глазах,
И лишь каблучки отбивают
Гнев,
 Ненависть,
 Гордость
 и страх.

Пленительный,
 Страшный,
 глубокий
Как нерв оголенный, живой,
был танец ее одинокий,
Рожденный вселенской тоской.

Вдруг резко она застывает...
Глядит так, что бросило в дрожь...
И в сердце с размаху вонзает
Складной андалусский нож...

2011. апрель

**СВЕТ
ИЮньский**

**Владимир
КАСЬЯНОВ**

предприниматель, член СП России

УЛИСС НА СЕВЕРЕ

Нечаянно осень пришла, когда
заметил, что моросит
вторые сутки, черней вода
в озерах, в сеньях сквозит.
Просторно. Липнет наволгший лист
березы на воротник.
Такое чувство, что я - Улисс,
пока не сумевший ни к
тебе возвратиться, ни все забыть.
Поэтому знай, что тот,
кто будет пытаться тебя любить,
когда я вернусь, умрет!

Тут все подались на юга, кто мог.
Остались: прибрежный лес,
гнилые мостки и столетний мох,
Дом и его жилец.
Так пусто, что пой, голоси, молись -
вряд ли услышат, но -
ты слышишь меня - если я Улисс,
то я не пошел на дно,

портки не пропил и не продал честь.
Поэтому знай, что тот,
кто будет твердить, будто я исчез,
когда я вернусь, умрет.

Ночами протяжно кричит во мгле
какая - то птица. Я
хотел бы заснуть на твоей земле.
Пускай не в плаще царя,
пускай доходягой в тряпье певца
пусть в соли горчайших вод
разлуки... И чтоб - не поднять лица,
уткнутого в твой живот.
И я, сохранивший себя с трудом,
и Стикс перешедший в брод,
скажу: Кто без спроса войдет в наш дом,
когда я вернусь - умрет.

ОСЕННИЙ ШТИЛЬ

Утром было пасмурно, но тепло.
Клен краснел как выпивший гипертоник.
Меня ничто, казалось бы, не скребло.
Я закурил и выдохнул: "Вот и вторник".

Пройти квартал, вернуться назад, присесть -
выпить вина в шашлычной. Дышать и баста.
Тлеет листва, гниет как рыбацья сеть.
Осенний штиль и дергаться тут напрасно!

Ведь снег не ляжет и волос не упадет,
женщина не предаст, если Бог не выдаст.
Осенний штиль - судьба по щекам метет.
И если так, то эта любовь на вырост.

В такое утро запросто - без примет -
можно уйти, да так и остаться в прошлом.
Завтра ты позовешь, а меня здесь нет.
Осенний штиль. И жребий, похоже, брошен.

**СВЕТ
ИЮньский**

*Гарри
БЕРСОН*

профессор кафедры растениеводства

Из цикла "ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ"

1.Баллада об Учёном

Жил-был один Учёный, идеей увлечённый:
Реликтовую пальму он в Арктике искал...
Не загорал в Пицунде, мотался он по тундре
И только вольный ветер порой его ласкал.

На целых четверть века лишились человека
Соседи по квартире, родные и друзья.
Они его хвалили, другие - говорили:
"Посмотрите, вернётся! Пусть буду Я не я".

А было очень сложно, возможно, безнадёжно
Полярной долгой ночью ту пальму отыскать.
Враги ему мешали, друзья - не понимали:
"Ищи! А коль найдётся, куда её девать?"

Ведь для твоей затеи нужны оранжереи,
Их очень трудно строить на вечной мерзлоте,
И люди - не подарки, им всем нужны "полярки"
И не к чему им пальмы на этой широте!"

Единственную в мире нашёл он на Таймыре -
В подземных мрачных коях "Медвежьего ручья",
Где в глубине забоя очнулось от покоя
Разбуженное семя в лучах электродня.

И вот случилось чудо! На Севере повсюду
Нашлись энтузиасты, что дали пальме жить...
И стало всем светлее, и стали все дружнее,
А Север начал таять - таким ему и быть!

Жил-был один Учёный, идеей удручённый.
Теплее сделать Север он всей душой желал,
И целых четверть века во имя человека
Искал он эту пальму. А то ли он искал?

2.Соратникам

Уходят дни былых желаний необозримой чередой,
А тяжкий труд наград и знаний нас увлекает за собой...
Горим мы дома, на работе и ясный пламень губит нас,
Но жить в деянье и заботе чудесно, право, без прикрас!

Живём мы в меру интересно: мечтаем, учим, создаём
Упрямо, творчески и честно потенциальный чернозём.
Мы - буквоеды и зануды и червь земли - наш лучший друг,
А овощей зелёных груды милее нам своих подруг.

Нужны мы всем ежеминутно, особенно, своим врагам.
Порой бывает очень трудно причалить к тихим берегам.
Нам омерзительны и дики дела давно минувших дней!
Но вот поддонки многолики, но всё равно мы их сильней.

Сильны мы знанием и дружбой, чисты мы совестью своей,
А всё, что нам предельно нужно, мы не скрываем для людей!
Мы постарались для Отчизны и время прожито не зря,
А многое, что надо в жизни, дарили нам Учителя...

Мы будем помнить их навечно, пока отпущено нам жить,
И как они, всегда сердечно, учениками дорожить!
Друзья, творите и дерзайте под знаком творческих побед
И Человечеству отдайте всё, что в нас создал Факультет!

3.Защита диссертации

Моя мама умирала очень тяжело
И, собравшись, прошептала: "Мне не повезло,
Днями я отправлюсь в свой последний путь,
Мне бы до твоей защиты только дотянуть..."

Ты нелёгкую дорогу для себя избрал,
Твоим домом и судьбою Крайний Север стал,
Своё имя и здоровье береги, сынок,
И тогда тебе поможет милосердный Бог..."

Неизбежно день защиты вскоре наступил,
Моя мама доживала из последних сил
И была залита болью вся моя душа -
Моя мама вместе с утром навсегда ушла.

Я узнал об этом позже, лишь, когда Совет
По моей большой работе чёткий дал ответ:
Я был удостоен чести доктора наук,
Ну, а "чёрный шар" подбросить не хватило рук.

И, когда меня с успехом стали поздравлять,
Мне на эти дифирамбы было наплевать...
Тут как - раз и появился некий материал -
Кто - то грязной анонимкой в сердце мне стрелял!

4.Бессонница

Кошки бесновались ночью, словно вепри,
В форточку врывались вопли их и крепи...
И под звуки страстей в том кошачьем мире
Я от всех напастей спрятался в сортире.

Но и там, как кошки, думы одолели.
Знать, мои дорожки не достигли цели...
Так или иначе? Мне ответить сложно,
Так как сверхзадача оказалась ложной.

А владела мною лишь одна забота,
Ставшая судьбою: главное работа!
В ожиданье Рая, истребляя плевел,
С края и до края пропахал я Север.

Но пахать и сеять в тундре - безнадёга!
Урожай взлелеять не хватает срока!
И, с природой споря, я без всякой злобы
Нахлебался горя самой высшей пробы.

Все мои излишки это соль на ране,
Фига на сберкнижке, медный грош в кармане...
Не найду ответа, где - ж мои идеи?
Затерялись где - то, словно в полдень тени.

Не мутите воду! Бедная наука
Не нужна народу! Вот такая штука...
Вышел из сортира, выпил рюмку водки,
А вблизи квартиры кошки драли глотки.

5. Выпускникам

Былинку гонит буйный ветер
Прямой дорогой в никуда
И след былинки незаметен
Сегодня, завтра и всегда...

Но стоит слиться ей с горою -
Не страшен смерч громаде той,
Ведь самой сумрачной порою
Гора останется горой.

Возьмитесь за руки сильнее,
Враги, товарищи, друзья!
Ряды сомкните поплотнее -
По - одиночке жить нельзя!

6.С точностью - наоборот

Мне в детстве цыганка по ручке гадала
И долгую мирную жизнь предсказала,
Что буду богатым я в нашей стране,
А счастье меня обойдёт в стороне.

Но мирная жизнь мне лишь изредка снилась,
Богатство из воздуха не появилось,
Зато интерес для себя находил
И очень счастливым, поэтому был.

Всю жизнь посвятил я аграрной науке
И в этих исканиях не было скуки,
Меня Крайний Север учил и берёг,
Я многое сделать, поэтому смог.

Теперь я "в запасе", мне всё интересно,
А думать о прошлом совсем неуместно.
Я счастлив - меня сохранили мечты
И есть у меня, кроме жизни, и ты!

7.Наш путь

Посвящается другу - профессору Ю.С.Кудряшову

Нам с тобой полторы сотни лет,
Повидали за жизнь мы немало:
Щедрость бед, как и горечь побед,
Нам судьба, не скупясь, отпускала.

Крайний Север наш путь освятил,
Чтобы нам помешать не сумели,
Дал упорства и творческих сил
Для решения доброй идеи:

Мы хотели в полярную ночь
Северян накормить овощами
И смогли в этом деле помочь,
Чтоб они от цинги не страдали.

Добрых дел на досуге не счесть,
Что у нас за плечами остались,
Нам была дорога наша честь
И от трудностей мы не скрывались.

А теперь всё у нас позади
И заслуги в боях позабыты,
Но сдаваться судьбе погоди,
Мы ещё нищетой не добиты!

8. Последний юбилей?

Сегодня, может, мой последний юбилей,
И я об этом вовсе не жалею.
Мой друг, ещё вина налей,
Я от него давно уж не хмелею.

Пьянел, когда я Крайний Север пил,
И юношей наукой увлекался.
С Полярной ночью крепко я дружил,
А Северным сияньем наслаждался.

В моих ночах в теплицах свет сиял,
Цвели нарциссы, лилии, тюльпаны.
Я тайны флоры с ними познавал
И огурца взвивались ввысь лианы.

А мандрагора, дыня, ананас,
Как друзья изумрудов, восхищали
И каждый день и даже каждый час
Свои секреты мне приоткрывали.

Уже давно теплиц в Норильске нет,
Друзья же в Вечной мерзлоте остались...
А вот во мне ещё живёт поэт,
Ведь струны арфы не везде порвались.

Мне жизнь немало радостей дала,
Её невзгоды не переломали.
Я продолжал бы добрые дела,
Но Боги нам бессмертия не дали!

**Виктория
ВОЛКОВА**

*старший преподаватель кафедры
иностраннных языков*

ЗАЧЕМ ЖЕ?

Зачем же Вы пришли сегодня
Как будто вовсе невзначай?
Зачем сидите беззаботно
И пьете свой остывший чай?

Я научилась жить спокойно,
Почти не думая о Вас, -
Зачем же Вы пришли сегодня,
Пробыв со мною целый час?

Душа моя к Вам улетала -
Но Вам об этом не узнать!
Я писем сотню написала -
Но не решилась отослать.

Зачем же Вы пришли сегодня -
Когда все кончено давно?..
Но как же сердце мое бьется!
Оно Вас любит все равно...

**СВЕТ
ИЮньский**

**Сергей
КАРТАШОВ**

*доцент кафедры механизации
сельского хозяйства*

ВЕЧЕР В ДЕРЕВНЕ

Зимний вечер за окошком.
В доме тихо, стол накрыт.
Рядом млеющая кошка
На топчане сладко спит.

День прошёл, опять узоры
Разбежались по стеклу.
И под ветра разговоры
С печки выгребу золу.

Отнесу на снег уснувший
Рядом с домом в огород,
Чтоб с рассветом солнца лучик
Растопил февральский лёд.

На золу садятся птицы.
В сумерках она - обман.
В жёлтом фартуке синица
Не обходится без ран.

Ей бы кроху да кусочек,
До утра в ночи дожить.
А, золы моей совочек
Мог надежду подарить.

Чтобы птиц замёрзших соло
Снова вылилось в оркестр,
Надо этот зимний голод
Прекращать везде, окрест.

В этих маленьких комочках
Сердце бьётся во сто крат.
На деревьях без листочков
Оседает снегопад.

Ладно, что ж, пойду до дома.
Жалко больно малых птах.
На уснувших ветках клёна
Я развею птичий страх.

Пусть живут до завтра птицы
И, вообще, до той поры,
Где не видим мы синицу
В дни немыслимой жары.

**СВЕТ
ИЮньский**

**Владимир
ИСАКОВ**
*начальник пресс-центра
"НовГУ-информ"*

Из цикла пародий
"НОВГОРОДСКИЕ ПЕРЕПЕВЫ"

Запах родины

*Из крайности в другую крайность
Нас, русских, сатана кидает...
И тот поймет, кто хвою нюхал,
Что пахнет хвоя русским духом.*
Владимир Храбров

И дым отечества нам сладок и приятен.
А.С. Грибоедов

Из крайности в другую крайность
Кидался я, решая тайну.
Искал я страстно не под "мухой":
ЧТО пахнет нашим русским духом?

И нюхал все, ища ответ я:
И дождь, и град, и свежий ветер,
И целый ворох листьев палых,
И плесень в брошенном подвале,

И дуло киллера, и книги,
И разговоры забулдыги,
И "дым отечества"... Да, сладок,
Но все же это непорядок!..

И вот однажды, встав под елью,
Я долго нюхал хвост метели.
И вдруг почувствовал в застое
Родимый запах русской хвои!

Тут шишка по башке как трахнет:
"ЗДЕСЬ русский дух! ЗДЕСЬ Русью пахнет!"...

С тех пор на крайности не тянет.
Живу спокойно... Графоманю...

Бег с препятствиями

*Сложная структура человека,
Расстояние от мышц до нервов,
От вершин Памира и Казбека
До финала мегакилометров.*
Ольга Яковлева

Сложная структура поэтессы...
Не возьмешь такую без разбега:
Здесь пригорки пухнут, словно тесто,
Вырастая на размер Казбека.

Мышцы огибаешь, сразу нервы
Здесь опутают своими проводами...
Поспешишь отделаться от стервы,
Забывая, как прекрасны дамы!

Нет, размерчик, может быть, и супер.
Только разбегаться - смысла мало.
При такой структуре хватит ступор
Прежде, чем домчишься до финала.

Такое наблюдение

*Живет сосед - поэт - напротив,
Порхает мотыльком в окне...
"За упокой", "за мир" добавит,
Увидев истину в вине.
Небрежно галстучек поправит,
Предастся грезам о луне...
Лев Шефер*

В окно увидел я соседа.
Он за стаканом пил стакан,
В тетради делая пометы.
И плакал в галстучек, болван.

И вновь, и вновь "за поиск истин",
И "за луну" он пил, грустя,
И был в порывах так неистов,
Как будто он - не он, а я.

Но тут ко мне вошла мамаша,
И вздох раздался из груди:
- Опять качаешься, надравшись!
На зеркало не упади!

Когда смешались времена

*Я задержалась в девятнадцатом,
Колье... Корсеты... Веера...
И кажется еще вчера
В саду дышала вашим лацканом.
Марина Паскуль (Окуловка)*

Вчера в саду балдели с "Балтикой".
И тут (я знаю почему)
Вдруг задышала вашим галстуком,
Хотя корсет мешал тому.

Все дело в том, что девятнадцатый
Опять наехал на меня,
Век расфуфыренный, век Надсона,
Где с веером - и на коня!..

И вновь смутила вас сюжетом я,
Когда, схвативши за рукав,
Поднакрахмаленной манжетой я
Дышала, запонку лизав.

Но вот дошла я и до хлястика,
Когда уже не смотришь вверх.
Такая здесь пошла фантастика!..

Стоп! Это - двадцать первый век!

Непредвиденный казус

*1. Не глазей на девуку ту,
На ее коленки:
О такую красоту
Поломаешь зенки!*

*2. Изгибаясь, молния из тучи
Выпала, как девка из дохи.
Сергей Макаров*

Изгибаясь, девка из дохи
Выпала и прямо мне на руки.
Все же взял ее я на поруки,
Хоть такое было не с руки.

Нет, не подхватил ее доху я,
Выбрав, к сожаленью, путь иной.
И сказал в сердцах: "Какого ...
Выпадать, сверкая голизной!"

А она, как молнию из тучи,
Бросив взгляд, сказала тут в ответ:
"Мне б мужчину чуточку получше
И к тому же чтобы не поэт".

**“ЖИТЬ СОВСЕМ
ПО ИНЫМ
ЗАКОНАМ...”**
четвёртый раздел

**СВЕТ
ИЮньский**

**Дмитрий
ИВАНОВ**

писатель (Великий Новгород)

КОТУ ШРЁДИНГЕРА ПОСВЯЩАЕТСЯ...

Была уже половина шестого, когда я закрыл лабораторию и последний раз за день, пройдя по пыльным и гулким коридорам своего НИИ, вышел на улицу. Чистый прохладный воздух, будто ждал этого момента, и едва я оставил позади турникет проходной, как он тут же бросился мне в лицо доброй и сильной волной, словно стряхивая с меня усталость, накопившуюся за день. И в тот же миг, вместе с порывом ветра, пропитанного речной свежестью, ворвалась в мою жизнь и целая симфония звуков, присущих любому большому городу в эти часы. Ещё в середине дня, с приятным мяуканьем, появилась в моём мобильнике долгожданная эсэмэска, сообщающая, что мол, такой-то банк извещает, что на Ваш счёт пришла сумма в размере... Добавив к тёплому летнему вечеру изрядную порцию радостных красок, сообщение пробудило непреодолимую тягу скорее посетить ближайший банкомат, и услышать его тихое мурлыканье при отсчёте купюр.

Водопроводный переулок, в котором стоял мой НИИ, кончился, впадая тихим ручейком в широкую и прямую, как стрела, Шпалерную. Спасибо Петру Алексеевичу за такую простую и понятную планировку. Смольный собор голубым пламенем взвивался в небо, полыхая золотым орнаментом куполов в свете, клонящегося к закату, солнца. Ах, барокко! От Вивальди до Растрелли. Лучше всего сейчас этот стиль подходил

к моему нынешнему настроению. Петербургское лето, это как музыка. Его можно любить, можно понимать. Можно сопротивляться ему всеми силами. Но оно есть! Необычное, звучащее, изобилующее неожиданными переливами и сложностью гармоний. И солнце, как великий дирижер, стоя за пюпитром раскалённых крыш, управляло этой неистовой симфонией.

На углу Таврической ждал любимый банкомат. Отсчитав несколько новеньких хрустящих бумажек, он замер в благоговейном ожидании следующего счастливец. А я хотел уже было повернуть к дому, но сладкий, почти магический запах настоящего, прекрасно сваренного, кофе внезапно внёс свои коррективы в мои планы, и заставил ноги нести тело, алчущее вкусить горьковато-шоколадный вкус эспрессо, в тихое и уютное кафе, коварно расставившее сеть маленьких столиков прямо на улице.

Сделав заказ, я принялся наблюдать, как стайка не в меру наглых воробьёв доклёвывает кусок сдобной булки, видимо украденной тут же, со стола. Птицы сбились плотной пернатой кучей прямо посреди дороги, не обращая ни на кого внимания. Где-то вдалеке прогрохотал трамвай. Студенты шумною толпой бежали в магазин, что на углу Тверской и Таврической, громко декламируя:

*Я к Таврическому саду,
Перепрыгнул чрез ограду,
А она за мною мчится
И кусает, как волчица...*

Что же, по-моему, окончание летней сессии это весьма уважительный повод, чтоб вместе с тобой праздновала вся улица, да и весь Питер. Тем более, что впереди целая пара выходных. И можно пойти к Петропавловской крепости, и наплевать на надпись, что купание там запрещено, и забраться в прохладную воду Невы назло всем. А можно сесть на электричку и отправиться в Разлив, и слиться с природой, что называется, по полной.

Но внезапно мысли мои были прерваны. Человек, сидящий за столиком напротив, показался мне знакомым. Что-то хорошее, доброе шевельнулось в груди и в памяти. Поплыли образы детства, школьная пора... Наконец я вспомнил... Вернее, узнал. За камуфляжем бороды и усов, да ещё почти двадцати лет,

прошедших со школьного выпускного, с последних белых ночей той, навсегда ушедшей, поры.

- Серёга! - крикнул я, бородатому человеку, сидящему всего в нескольких метрах от меня. Тот поглядел в мою сторону, на мгновение его лицо исказилось в напряжённой гримасе, за доли секунды перерывая в памяти миллионы лиц, когда-либо встречавшихся в жизни. Затем, выбрав из этого множества одно единственное, моё, он идентифицировал его с тем, кричащим типом, за соседним столиком, и вот уже по мохнатой Серёгиной физиономии пробежала счастливая улыбка, точь-в-точь, такая, какая была сейчас и у меня самого.

- Привет! - протянул он восхищённым голосом, всё ещё не веря в возможность нашей встречи. - Ты как тут оказался?

- Да вот, с работы... - Ответил я и, прихватив кофе, перебрался за его столик.

- Так ты работаешь тут рядом?

- Ага.

- А я живу. - Серёжка просто подскочил на месте. - Слушай, что мы тут сидим. Ты не торопишься? Пойдём ко мне. Покажу тебе свои работы. Я ж недавно из тайги приехал!

- Из тайги?! - удивился я. - Что ты там делал?

- Да, как художку окончил, потянуло меня в странствия...

- продолжал он, уже ведя меня по Кавалергардской мимо как попало припаркованных иномарок. - Я, вначале, поехал в Среднюю Азию, писал верблюдов и аксакалов. Потом на Диксон, белую краску изводить. И уже после в Сибирь.

Слушая увлекательный Серёгин рассказ о путешествиях, я не заметил, как мы пришли.

- Добро пожаловать в моё бунгало! - приятель открыл высокую старинную дверь, с тяжелой бронзовой ручкой, и впустил меня в своё жилище.

Квартира настоящего художника встретила меня запахом краски, растворителя и ещё какой-то химической дряни, какой вечно пользуются люди его профессии. Минут через пять к этому запаху добавился ещё аромат кофе, который мой школьный товарищ решил сварить к коньяку, в качестве запивки.

Огромный серый кот вышел из соседней комнаты, чтобы посмотреть, в чём дело, что за шум и почему кто-то мешает его мирному и глубокому сну. Но выяснив, что ничего из ряда вон выходящего не происходит, кот прыгнул на стул и начал умываться, будто стараясь наверстать упущенное за время сна и предсказать гостей, хотя бы задним числом.

- Это Василий, - представил кота Серёга. - На время моего отсутствия - старший по квартире.

- А ты не женат разве? - поинтересовался я.

- Да какое там, - отмахнулся приятель. - С моим-то образом жизни!

Мы расположились на мягком диване, возле окна, в уютной гостиной с белыми стенами, без обоев. Василий, чувствуя застолье, перебрался поближе, и, усевшись на подоконник, стал наблюдать за нашими действиями.

На соседней стене прямо напротив нашего дивана была нарисована дверь. Точно такая же, как и настоящая, ведущая в комнату. Я вспомнил, как Серёга однажды в школе, подражая известному анекдоту, нарисовал муху в классном журнале, и улыбнулся.

- Так пространство раздвигается. - Объяснил он, перехватив мой взгляд. - Кажется, будто там, за стеной, не квартира соседей, а целый мир.

- Ну да, мир Шрёдингера. - Задумчиво и с иронией произнёс я, пытаюсь представить там, за нарисованной дверью, цветущий сад, райских птиц, дворцы, фонтаны, и прочее, что принято представлять в подобных случаях.

- Какого Шрёдингера? - непонимающе переспросил Серёга.

- Так, физик один австрийский, - начал я, стараясь подбирать более понятные слова. - Чтобы объяснить своим студентам неполноту квантовой механики, он предложил им мысленный эксперимент. Помещаем кота в ящик, где есть пробирка с ядовитым газом и устройство, которое может её открыть с вероятностью в пятьдесят процентов. Но так как ящик закрыт, мы не знаем, сработало ли устройство или нет. Значит для нас кот и жив и мёртв одновременно.

- Вот сволочь! - помрачнев, буркнул себе под нос Серёга.

- Кто? - не понял я.

- Да физик твой. Кота убил.

- Да никого он не убивал. Я ж говорю, эксперимент мысленный!

- А-а-а! - Протянул приятель. - Но тогда как кот может быть и живым и мёртвым одновременно.

- Да так! - воскликнул я, входя в раж. - Пока ящик закрыт, мы точно не можем знать, сработало устройство или нет. Потому можно предположить, что кот умер с такой же долей вероятности, как и то, что он жив.

- Пациент скорее жив, чем мёртв! - мультяшечным голосом

передразнил Серёга фразу из известного фильма про Буратино.
- Ну, на самом-то деле кот либо жив, либо подох. Просто мы не знаем, как оно там, пока ящик не откроем.

- Так в том то и дело! - я отправил в рот пару прекрасных маринованных маслят, и выпалил засевшую в голове с институтской скамьи формулировку. - Цель эксперимента - показать, что квантовая механика неполна без некоторых правил, которые указывают, при каких условиях происходит коллапс волновой функции, и кот либо становится мёртвым, либо остаётся живым, но перестаёт быть смешением того и другого.

- Слушай, ты где работаешь? - Серёга с удручённым видом посмотрел на меня, и мне показалось, что на его лице появилась какая-то бледность.

- Институт времени и радиации, - виновато произнёс я название своего НИИ.

- Понятно, - вздохнул мой школьный товарищ. - А есть такой институт?

- Ага, есть, - я тоже вздохнул. Серёга протянул мне рюмку коньяка, мы чокнулись.

- За кота, - печально сказал он, опрокидывая в себя Хеннеси и закусывая шпротами. - Ну, а какая вам, физикам, польза от кота этого? - Отложив вилку, Серёга напрягся, стараясь вникнуть и понять частицу незнакомого для себя мира.

Я же, разгорячённый любимой темой, был готов объяснять другу основы квантовой механики до тех пор, пока он не поймёт. Потому, я схватил серёгиного кота и сунул его в большой старый портфель, что стоял тут же, у дивана. Кот не сопротивлялся, но сам Серёга попытался помешать моему научному порыву.

- Не надо мучить Васеньку. - Грозно промычал он себе под нос и потянулся за портфелем.

- Да ничего с ним не сделается, - возражал я, - посидит пару минут в портфеле во имя науки. Это же самое главное.

- Что главное? - Серёга уставился на меня широко по-детски распахнутыми глазами, и даже приоткрыл рот, совсем как ребёнок.

- Поскольку ясно, что кот обязательно должен быть либо живым, либо мёртвым, - начал я объяснение, указывая на портфель, - так как не существует состояния, промежуточного между жизнью и смертью, то означает, что это верно и для атомного ядра. Оно обязательно будет либо распавшимся, либо не распавшимся.

- Почему это нет промежуточного состояния между жизнью и смертью? - осторожно спросил мой приятель, слегка склонив

голову на бок. - А как же сон, медитация, гипноз? Да и сама смерть - штука не мгновенная.

- То есть как это не мгновенная? - Тут уже я сам задумался.

- Так тело же умирает не всё сразу. И не всегда. - Серёга загорелся, и отчаянно жестикулируя начал рассказывать. - Вот я когда в Бурятии был, там шаманы говорили, их лама, Итигэлов, он не живой не мёртвый. Семьдесят лет пролежал в могиле, а когда достали, он как будто и не умирал вовсе. Даже разложения нет. Так что твой кот отдыхает.

Серёга налил нам ещё коньяка и протянул мне рюмку.

- И что ты хочешь этим сказать? - спросил я его, пытаюсь понять ход серёгиной мысли.

- А то, что дурак он был, твой Шрёдингер. Если смотреть на вещи нормально, то у его кота должно быть не два квантовых состояния, а намного больше. Три, как минимум.

- То есть как? - не понял я.

- А представь себе, что он там, в ящике, не умер, а просто ушёл. - Глаза моего друга вспыхнули ироничным огоньком.

- То есть, как это ушёл? - недоверчиво взглянул я на приятеля.

- А так... встретил там кошку Шрёденгера и ушёл с ней гулять, - ехидно улыбнулся он. - Мы же не можем знать, что там творится в ящике, пока он закрыт. Так?

- Так, - согласился я.

- Ну, так значит, там может твориться всё, что угодно. - Серёга победоносно сверкнул глазами.

- Ты думаешь? - я поглядел на него так, как смотрят на человека, заявившего, что пятнадцать минут назад он летал на Марс.

- Шрёдингер был физик. И смотрел на мир только с точки зрения физика. Но он не видел полной его картины. Потому и сделал ошибочные выводы. А я там, в Бурятии и на Алтае с шаманами общался, такое видел. Так что хватит мучить моего кота. Он тоже человек и жрать хочет.

Решив больше не вести с Серёгой научных бесед, я расстегнул портфель, и замер. Кота в портфеле не оказалось. Чёрная пустота вызывающим абсолютом дразнила моё потрясённое воображение, царствуя в портфеле полновластно и безраздельно.

- Серёга, там его нет, - виновато прошептал я и уставился на друга.

- Кого нет? - не понял он.

- Кота нет. В портфеле.
- А где он? - Серёга перегнулся через стол и сам заглянул в портфель.
- Не знаю.

Некоторое время мы молчали, пытаюсь осмыслить произошедшее. Порыв свежего ветра ударил нам в лицо, приводя в чувство. Я поднял глаза и посмотрел в сторону, откуда дул ветер. Нарисованная на стене дверь медленно открывалась.

РЫБА-НОЧЬ

Днём море совсем не такое как ночью. Спокойное или бурное, суровое или ласковое, играющее солнечными бликами среди бирюзы и лазури неторопливых волн, оно живёт настоящей, полной необыкновенных событий, жизнью. Иногда поёт оно тихую песню, нежась в лучиках солнца, и летит тёплый солёный ветер от горизонта, до самого берега. А иногда, будто причудливая запятая, среди волн, мелькнёт спина дельфина, и вновь умчится в непроглядную морскую синь. И там, куда уплывёт этот весёлый морской обитатель, скрывается столько тайн, что и представить себе невозможно. Только рыбы, безмолвные жители глубин, которые заплывают в самые потаённые уголки морского дна, знают такое, о чём мы, может быть, и не догадываемся вовсе. Но, ни рыбы, ни медузы, ни даже громадные киты никогда не смогут рассказать нам о том, что встречалось им во время длительных скитаний по морским просторам.

А ночью море преображается. Начинает жить совсем по иным законам, будто становится другим существом, незнакомым, таинственным, не таким, к которому привыкли мы днём.

И многие тайны его приоткрываются. Не полностью, а лишь только для того, что бы на короткий миг привлечь наше внимание, удивить, да и вновь скрыться в морской пучине.

Нам, людям, достаются лишь старые легенды да рассказы бывалых рыбаков, которым мало кто верит, настолько они полны необычного, недоступного нашему пониманию.

Такую вот легенду и слышал от рыбаков Мишка. Будто водится в заливе, что возле самой их деревни, странная Рыба-ночь. Говорят, что она очень красива, и кто поймает её, обретёт

мудрость и понимание мира. Но вот беда, поймать эту рыбу можно лишь ночью, а днём, как ни закидывай удочки, кроме бестолкового бычка, да плоской камбалы вряд ли вытащишь что-нибудь стоящее. Да ещё и клюёт эта загадочная рыбина только один раз в год, в то самое время, когда самый долгий день сменяет самая короткая ночь, да ещё обязательное чтобы эта ночь приходилась на новолуние. На какую наживку ловить, этого легенда не сообщала. Но любой мальчишка, живущий у моря, знает, что лучшей наживкой во все времена считались креветка.

Давным-давно услышанная Мишкой легенда накрепко засела в его светловолосой голове, вызвав тем самым, сильнейшее желание, во что бы то ни стало поймать таинственную рыбу. Да вот беда, то мал был, то, как назло, в ту самую единственную в году ночь, луна на небе сверкала, будто начищенный медный пятак на испачканной лодочной смолой мальчишеской ладошке. Но сейчас было всё по-другому. Ещё зимой, когда мать повесила на стенку совсем новенький отрывной календарь, он тайком глянул на тот, заветный листок в самой его середине. Там чёрным по белому значилось, что 21 июня наступает новолуние.

Полгода время двигалось медленно, будто старый баркас во время шторма, пыхтя и кашляя, доживающим свой век двигателем, пытался подползти к причалу, отбрасываемый назад непокорными волнами. И чем ближе была заветная дата, тем больше пыхтел и кашлял баркас, тем настойчивее огрызались ретивые волны. Но вот прилетело лето, обрушив на рыбацкий посёлок испепеляющий зной, а на самом пике летней поры приближалась та самая ночь, когда можно поймать таинственную рыбу.

В свои планы Мишка решил никого не посвящать. Даже друга Сашку, с которым отважно ныряли с самой высокой скалы в морскую пучину, и с которым даже несколько раз совершали дерзкие набеги на соседскую грушу. Всё равно Мишка решил не говорить ему, что в эту ночь собирается на залив ловить странную рыбу.

Заранее, ещё днём, Мишка приготовил полную банку креветок для наживки. Спрятав её в укромном месте, возле самого берега, он, как ни в чём не бывало, поспешил домой, стараясь вести себя самым естественным образом. Будто на сегодняшнюю ночь у него нет решительно никаких планов.

Но дома за ужином Мишка всё же чуть не выдал себя. Сказалось волнение от предстоящего приключения.

- Ты чего такой беспокойный? Не заболел? - Заботливо спросила его мать, заметив странное поведение сына.

- Нет, мам, ничего. Только, может, на солнце перегрелся, или перекупался. - Ляпнул мальчуган первое, что пришло в голову.

- Голова не болит? - Мать прикоснулась своими губами к загорелому Мишкиному лбу, проверяя, нет ли температуры, но Мишка завертелся с новой силой, опасаясь, что его обман будет раскрыт.

- Нет, не болит. - Юный рыбак старался выглядеть как можно более здоровым, чтобы развеять все сомнения матери.

Кое-как прикончив ужин, он поспешил на чердак, где по обыкновению спал каждое лето, скрываясь от жары. Мягкий гамак был любимой Мишкиной постелью. Часто, забираясь в него, перед тем как заснуть, представлял он себя матросом большого корабля, плывущего в открытом море навстречу необыкновенным приключениям. Как хорошо было мечтать о дальних странствиях, засыпая под шум моря. Но сегодня у Мишки были другие планы. Летом у южного моря темнеет быстро, будто кто-то в небе поворачивает выключатель. Но, несмотря на сгустившиеся сумерки, мать ещё не спала, о чём говорила чуть слышно стучащая в доме швейная машинка, производя на свет ему, Мишке, новые штаны из старых отцовских. Но вскоре ритмичный стук прекратился, запели цикады, прячась где-то в невысокой, выжженной солнцем, траве. Ночь стала полновластной хозяйкой во всём мире.

Осторожно спускаясь с чердака по лестнице, Мишка старался даже не дышать, чтобы ненароком не разбудить кого-нибудь.

Но едва его ноги коснулись земли, как паренек, что есть сил, припустил по улице, захватив с собой удочку, что стояла у двери, специально приготовленная с вечера. На улице было тихо. Лишь где-то во тьме звонко залаяла собака, но вскоре умолкла. Пение цикад да шум моря нарушали эту величественную тишину самой короткой ночи, придавая миру атмосферу какой-то торжественной таинственности. Звёзды своим мерцанием будто подмигивали Мишке, подбадривая его.

Дорога упиралась в море. Дальше путь проходил по берегу. Мягкий морской песок обнимал ноги, будто желая задержать паренька, оставив так и нераскрытой одну из своих заветных тайн. Но Мишка был неумолим. Вот уже он достиг того места, где среди нагромождения камней спрятал он банку с наживкой. Далее путь проходил вдоль высокого обрыва, что навис над

самым морем, словно могучая крепостная стена. Под стеной берег был усыпан огромными валунами, которые лежали здесь с незапамятных времён. По этим валунам и пробирался юный рыбак к намеченному для ловли таинственной рыбы месту. Прыжок, за ним другой. Неожиданно под лёгкой Мишкиной ногой огромный камень чуть качнулся, заставляя паренька потерять равновесие. Только одна мысль вспыхнула в его голове, затмевая собой всё остальное: как бы ни разбить банку с креветками и не сломать удочку. В следующий миг мальчуган слетел куда-то вниз. Ещё мгновение, и яркий фонтан искр брызнул из его глаз, а ушибленная щека начала разгораться ярким пламенем. Но настойчивость паренька взяла верх над случайностью. Разодранной коленкой Мишка упёрся в острый бок коварного камня, и подтянулся, чтобы вновь вскарабкаться на него. Главное – банка с наживкой и удочка были целы. А значит, шанс приоткрыть ещё одну морскую тайну был вполне реальным.

Через несколько прыжков он был у цели. Огромные валуны, будто спина дремлющего дракона, торчали из моря. Осторожно, чтоб снова не упасть, Мишка добрался до края каменной гряды. Свалиться в солёную воду и намочить разодранное в кровь колено совсем не хотелось. Открытые раны морская вода будет жечь не хуже раскалённого угля.

Выбрав удобное место, паренёк уселся на большой бурый камень, и закинул удочку.

Море плескалось у самых ног ласково, будто желая успокоить, усыпить своего ночного гостя, бросившего вызов его сокровенным тайнам.

Чернильная бездна раскрыла над миром свой звёздный купол, и Мишке казалось, что само небо смотрит, как пытается он проникнуть в святая святых морских тайн. Где-то над головой пролетела ночная птица, да порыв прохладного ветра, примчавшийся из-за горизонта, взъерошил волосы на голове юного искателя приключений. Мишка поёжился, прогоняя холодок, пробежавший по спине. От этого холодка появилась мысль, что тёплый свитер был бы сейчас не лишним.

Но в этот самый момент маленький белый поплавок, что секунду назад спокойно качался на водной глади, повело, и едва он скрылся под водой, сообщая своему хозяину, что наживка проглочена. Мишка дёрнул удочку, аккуратным движением подсекая рыбу, и извлёк из воды нечто серебристое, живое, словно маленькая искорка, бьющееся на крючке Мишкиной удочки. Бычок. В другое время, может быть, паренёк и

обрадовался такому улову, но сейчас он только разочарованно вздохнул, снял маленькую серебристую рыбку с крючка и отпустил в воду. Ещё несколько бычков были так же пойманы Мишкой, существенно сократив количество креветок в банке. Ветер с моря становился всё прохладнее, словно море старалось прогнать юного рыбака, так и не дав ему прикоснуться к одной из своих тайн.

- Какой странный ветер. - Подумал Мишка, подёргивая плечами, когда новая волна морской прохлады опять ударила в лицо.

Насадив на крючок ещё одну креветку, он с досадой отметил, что наживка заканчивается, и скорее всего, домой придётся возвращаться без улова. Уже почти потеряв надежду, Мишка закинул удочку в солёную, чуть мерцающую при свете звёзд, воду, и принялся ждать. Ночная птица с шумом пролетела над его головой. Заметно похолодало. Прежде, проживший в рыбацком посёлке всю жизнь, паренёк даже не предполагал, что летняя ночь у моря может быть такой холодной. Однако так просто сдаваться он не собирался. Растерев руки и плечи, Мишка зевнул, и тут же встряхнул головой, чтобы прогнать нападающий на него сон. Отражения звёзд качались на волнах, будто крошечные кораблики. Где-то среди них прыгал вверх и вниз маленький белый поплавок. Один прыжок, другой, третий... Мишка привстал и в очередной раз дёрнул удочку, подсекая улов. Чёрная рыбина, размером с две Мишкины ладони болталась на крючке, виляя хвостом, в надежде сорваться со стального острия, и вернуться вновь, в загадочную морскую пучину.

Но крючок держал крепко. И даже когда Мишка дрожащими от волнения руками снимал свой драгоценный улов, это ему удалось не сразу. Рыба была покрыта странной чешуёй чёрного цвета, удивительно похожей на ночное небо. Чёрными были плавники, хвост, и всё её гибкое тело. Однако глаза загадочного существа поражали таким пронзительным голубым цветом, что казалось, в них собралась вся синева моря, вся его сила и величие.

Глаза смотрели печально, будто просили о чём-то.

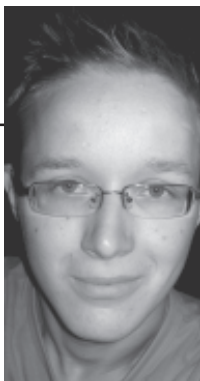
Положив свой трофей в банку, где только что были креветки, Мишка помчался в посёлок. Ловко перескакивая с одного камня на другой, он думал, как бы ни уронить драгоценный трофей на беспощадные каменные рёбра. Как бы в целости и сохранности донести его до дома. Думал он и о том, сразу ли собрать вокруг

себя весь посёлок и показать свой удивительный улов, или, оставив его дома, приглашать полюбоваться на него всех по одному, даже самых бывалых рыбаков.

Небо светлело. Бежать по бесформенному нагромождению валунов становилось всё легче. Почувствовав это, Мишка ускорил шаг. Вот уже и солнце показало из-за горизонта свою выгнутую спину, и будто кот потягивалось, прогоняя остатки недолгого сна. Первые его лучи сусальным золотом покрыли и верхушку скалы, нависшую над морем, и крыши домов далёкого ещё рыбацкого посёлка, да и само море начинало расцветать совсем иными, не ночными красками. Спрыгнув с каменной гряды на остывший за ночь песок, паренёк мельком взглянул на свою добычу, узнать, в порядке ли она. Но одного мимолётного взгляда на чёрную рыбку было достаточно, чтобы Мишка остановился, с ужасом глядя на происходящее в банке. Там, высвеченная багрянцем первых лучей дневного светила, только что пойманная таинственная рыба-ночь исчезала, становясь прозрачной будто призрак. Плавников и хвоста её уже не было видно, а сквозь тело рыбы можно уже было различить и море и восходящее солнце, неумолимо убивающее её своими лучами. Даже пронзительные голубые глаза рыбы поблёкли, но глядели по-прежнему печально, с какой-то неистойвой мольбой.

Бросив удочку, Мишка побежал в море, не обращая внимания на жгучую боль от разодранного колена, попавшего в солёную воду. Обеими руками он укрывал банку от губительных лучей солнца, чтобы спасти умирающую рыбку. Пробежав несколько шагов, он выпустил свою пленницу на свободу. Ослабевшая рыбка на мгновение замерла, быть может, ещё не веря в такое чудесное освобождение, а потом с быстротой молнии умчалась в морскую пучину. В ту же секунду, глядящему в след удаляющейся рыбке, пареньку, показалось, что её очертания стали более отчётливы.

Над миром вставало солнце, освещая и крыши домов, и песчаную полосу вдоль берега, и широкую степь, что простиралась по ту сторону от посёлка. И ещё освещало оно мальчишку, кто, стоя среди волн, пристально вглядывался вдаль, туда, куда умчалась таинственная рыба-ночь, туда, где, быть может, скрыты от людей ещё тысячи других загадок.

**Сергей
АРСЕНТЬЕВ**
*студент филологического
факультета*

НА ВОКЗАЛЕ

Ну и холодрыга же тут, на вокзале - дышать больно. Это, конечно, от болезни в первую очередь, но и воздух какой-то гадкий, могильный.

По вокзалу мужик ходит, хромая на левую. В руках лыжная палка: укорочена немного, ручка с ремешком, острый наконечник. Удобная вещь! Особенно для хромого. Особенно в гололёд. Сейчас, правда, не гололёд, но тоже не слава богу погодка: ветер до костей продирает, сырость - сверху, из-под колёс. А в зале ожидания - ничего себе. Был бы воздух получше, но мокрая извёстка гнильцой пахивает.

Мужику лет сорок пять или все пятьдесят. Подходит ко мне, а я - в блокноте записываю.

- Это что - задача такая? Давно, смотрю: считаешь. Расскажи мне.

И смотрит на меня испытующе.

- Что-что?

- Задача, говорю? Давно я таких не разгадывал, в детстве, наверно, видел, а так!..

Разводит руками, будто хочет показать, как же он долго хотел разгадывать такие вот именно задачи, а с ними не складывалось.

- Мне не получается с цифрами разными. Не могу я их. Не говорятся.

- Это стих! - замечаю я и улыбаюсь ему. Он улыбаться не улыбается, но уголки иссохшего рта приподнял. Чёрная кепка

надвинута: глаза хорошо видно, однако - не заметно. Это потому что невзрачные, скромные, прячущиеся.

- Тоже таким был... Слышишь, говорю: тоже таким был!..

Почти кричит и всматривается в меня дружелюбно.

- Да? - пытаюсь не обидеть того, кто отвлекает меня.

- Таким же был, да!.. Слышишь меня?

И ждёт, когда я кивну. Киваю, он продолжает:

- А ты знаешь, что главное?

Мне очень холодно, электрички ждать ещё три с половиной часа. Пальцы окостенели, едва держат ручку, а течёт из носа безжалостно, шмыгаю. Поглядываю на сумку: открыта, а в ней кошелек положен.

- К чему это? - не зная, как обращаться к нему: на ты или на вы, - решаю никак не обращаться.

- Говорю, знаешь, что самое главное-то?

Он кивает на моё стихотворение, похожее на толстую волосатую гусеницу - настолько сливаются строчки в столбике, связываясь волосками исправлений и пометок. Я мотаю головой, а он выпытывает у меня: Так знаешь или нет?.. Я такой же был...

- Чтобы всё честно было! - неуверенно хриплю я. Ангина чёртова! Ноги не держат, сознание мутится.

- Нет, не так. Всё должно быть правильно. Понимаешь меня?

- Да, всё должно быть правильно, - соглашаюсь я. Слезятся глаза, улыбаюсь и смотрю на него. Он на отца моего похож. Мой когда выпьет - не бреется тоже. И перегар.

За окном - ни одной электрички, мне уезжать не скоро. Часа три просижу.

- Спасибо.

Он протягивает мне свою грязную руку: вижу его толстые ломанные ногти, мужицкую ладонь,жимаю без задней мысли, с уважением. Откуда оно - не могу понять.

- Спасибо.

Повторяет он: Спасибо.

Его "спасибо" - необычное: последние звуки стираются, и получается что-то вроде "спасиа", и совсем невнятно произносит - мягко-мягко и мальчишеским голосом.

- А тебе вот что скажу.

Он задумывается и покачивает своей самодельной тростью.

- Вот что тебе скажу... Ты что другим говори - говори, что... Что?

- Что?

- Ты на всех положи... понял? Положи на всех!

Повторяет громче, чтобы услышали остальные. В зале не так много людей - по пальцам пересчитать. И все сидят: мёрзнут, а сидят. Кассу-то через час откроют: у тех, видите ли, с двенадцати до двух дня обед. И как только они успевают за два часа отобедать?

- Положи на всех, и будет всё правильно, уяснил, да?

И дружески хлопает меня по плечу. Потом вздыхает, отходит.

Пододвигается к моему соседу - человеку лет эдак тридцати, не больше.

- Не подскажешь, сколько времени?

Опирается на тоненькую палку.

- Сколько времени? Не скажешь мне, а?

Твердит и смотрит.

- Отвали, понял, а то сейчас вызову кого следует.

Упирается ноздрями в телефон.

Падают уголки потрескавшихся губ. Отходит от него.

- Девушка, вы что сидите?

В опрятном полушубке, но с неказистой укладкой волос. Вся скукоживается и носком кожаного сапожка отбивает непонятный марш. Кафель сухо, резко отзывается. Сама молчит упрямо, насупилась хуже мужчины с телефоном. Небрежно косится и встаёт.

- С тобой говорю или где?

Благополучно изгоняет её из зала.

Отходит ещё, в самом дальнем углу - натывается на старика в ушанке и с газетой в сухоньких лапках. Разговора почти не слышно. Дедушка глядит на молодого исподлобья, ворчит на него.

- Документы!

Удивляется и взмахивает палкой, будто и слыхом не слыхивал такого нелепого слова.

- Документы тебе!.. Думаешь, я бомж!

Почти злится: слышно, как он сказал это - через зал слышно. Перекладываю деньги в карман джинсов, а в сумку пихаю свои записи. Продолжаю стоять и поглядываю по сторонам.

Ещё он держит узелок, а я пытаюсь припомнить, куда он убирал его, когда протягивал мне свою чёрствую ладонь. И правда - куда? Обнаруживаю, что одет он в рыжую кожаную

куртку: размеров на пять она ему велика, а это его не смущает. На ногах армейские кирзачи - мятые, разбитые донельзя. Джинсы - с намёком на прежнюю голубизну. Отругиваясь, удаляется на перрон. И мне - то ли легко, то ли неприятно. Лишь бы не говорить с ним больше и не видеть. И чем он мне отца напоминает? Ну, по возрасту, телосложению...

Подошёл товарный, снаружи донёсся его свисток. Внутри - тишина и зябко по-прежнему. В течение ближайших двух с половиной часов - ни одного пассажирского.

Пытаюсь дописать. Перерыв закончился, надо бы купить билет, а то забуду. Около кассы достаю деньги. Возвращается мужик, он уже в ушанке, что меня не трогает нисколько. В ушанке теперь, почему бы нет?

- Знаешь...

Он даже ни к кому не обращается поначалу.

- Я сам виноват. И наших пацанов там... А я должен был. И всех наших, знаешь ли.

На этом он дико выпучивает на меня свои серо-голубые глаза.

- Сам же, и ведь иначе никак. Вертолёт со всеми. Бандура эта. До сих пор...

Он видит у меня в левой несколько червонцев, кивает на карман.

- Много денег осталось?

Я - неопределённый жест рукой.

- Да, это понятно. Ты в кассу давай, в кассу... А они вот - все наши.

Вскидывает руки, ударяет себя по коленям, съёжась и замерев на секунду. И смотрит на меня, почти не выпрямляясь, и палка трясётся. - А надо, чтобы всё правильно.

У него нет узелка. Приближается на шаг, почти обнимает, хлопая по плечу.

- Спасиа. Спасиа, - снова морщится, и полоска рта - выгибается. Киваю.

Его глаза покорно ползают по залу, он отходит и перед дверью останавливается. Тяжело вздыхает, оборачивается и смотрит на расписание.

Будто полжизни чего-то ждёт. Может, кого-то ищет или дожидается человека особенного. И уехать - нельзя.

4 декабря 2009 - 2 апреля 2011

**Евгений
ЖУКОВ**

*выпускник филологического
факультета НГПИ*

ЖОРИК

С этим живым, игривым и очень забавным щенком я познакомился на лодочной станции. Одно время здесь я "поддежуривал", но недолго. Мне быстро надоели разговоры об одном и том же, вечные "оргии" хозяев лодок, да и деньги там платили такие, что назвать их нельзя было даже символическими. В одно из таких дежурств мне и попался на глаза этот потешный желто-рыжий с белыми чулками и белым галстуком на груди щенок. Я сразу выделил его из всего собачьего "населения" лодочной станции. Каждый раз принося с собой что-нибудь съестное, я уже делился им с Жориком (так я назвал понравившегося мне щенка). Стоило мне только позвать его: "Жорик, Жорик!" - и он уже бежал мне навстречу смешным и одновременно трогательным щенячьим галопом. Радость буквально распирала его! Спина ходила волнами, морда сияла, а хвост выбивал дробь веселья.

Вскоре я уволился с лодочной станции, решив оставить это, с позволения сказать, занятие, которое ничего, кроме бессонницы, не давало. Единственным светлым пятном в моей сторожке было общение с Жориком. Его я не забыл. Как-то раз я решил навестить своего любимца. Еще не дойдя до станции метров двадцати, я увидел, как из ворот выкатился, показавшийся на белом снегу оранжевым шаром, Жорик. За то время, что я его не видел, он немного подрос. Как он резвился, выделявая немыслимые петли у моих ног! Рост не позволял ему дотянуться до рук, и я сам наклонился к нему.

- Ну, здравствуй, Жорик. Здравствуй, мой хороший. Что? Соскучился?

На мои слова он ответил таким сиянием своих глубоких, темных глаз, что мне вдруг стало и тепло и грустно на душе. Тут же я решил взять Жорика к себе. Всё равно он здесь был лишним собачьим ртом. Кто мог его кормить, когда сторожам зачастую и самим нечего было есть.

Зайдя в сторожку, которая больше напоминала огромную собачью будку, я сказал дежурившему в тот день сторожу, что забираю щенка с собой.

- Бога ради, - сказал он мне.

На этом, если так можно выразиться, "акт дарения" и закончился. В сторожке среди прочего хлама нашелся очень потертый, но еще годный поводок, которым я и воспользовался. Жорик был уже весьма подросшим щенком, и нести его на руках среди бела дня было как-то неудобно. Придя домой, я первым делом накормил моего нового "квартирanta". Боже, как он ел! Миску остывших щей он просто проглотил не жуя. Зная о том, что нельзя сразу перекармливать отощавшую собаку, я сделал паузу в кормлении и затем в течение дня давал Жорику небольшие порции мелко нарезанного отварного мяса.

Давно я уже хотел завести собственную собачку. Когда-то у нас был в семье пес. Дворняжка с неприятной кличкой Барбос - такой небольшой, но плотный, что называется кряжистый, наш общий любимец и баловень. Нам он достался совсем крохотным, уместающимся на ладони щенком. Помню, как мы колдовали, как его назвать. И наконец, по предложению отца решили дать эту простую, беспородную, но вместе с тем и выразительную кличку.

Любовь к животным рождается из детства. Любовь в частности к собакам, имела у меня сначала искусственный характер - это была любовь из книг, навеянная Иваном Арамилевым, Джеком Лондоном и Сетоном Томсоном. Эти писатели заронили в детскую душу искусственной сначала любви к так называемым "братьям меньшим".

Тот день, когда в доме появился Жорик, выдался суматошным и скоротечным и пробежал как одна минута. Жорик сразу почувствовал разницу между прежним житьем в сторожке и новой переменой в своей жизни. Играя с ним, я даже не заметил, как день перешел в вечер и как-то сразу в ночь. Пора было укладываться спать, но новизна, связанная с появлением в доме собаки, гнала сон прочь, да и как можно было заснуть,

когда по дому носился такой вьюн. Часов до двух продолжалась эта возня. Но наконец затихла и она. Засыпая, я почувствовал, как Жорик тычется мне в ладонь своим влажным носом.

Наступило утро. Бледные отсветы от окна обозначились чуть светлым пятном на полу и на мебели. Жорика я в комнате не увидел: оказалось, что большую часть ночи он проспал на кухне, где я сначала почувствовал, а потом и увидел следы "благодарности" за изволение из голодного плена. Следы эти в виде светло-коричневых кучек я обнаружил и в коридоре. "Так не годится", - подумал я и тут же решил преподать Жорику урок. Разбудив его весьма немилосердно, я схватил его за ошейник и ткнул носом в первую попавшуюся кучу со словами "Не смей гадить в доме, будь приличной собакой!". Жорик скорчил такую удивленно-обидчивую морду, что меня чуть не разобрал смех. Однако этот урок возымел свое действие. Жорик оказался на редкость сообразительной собакой и вскоре гадить в доме перестал. Теперь каждое утро он царапал входную дверь, просясь наружу.

У нас вошло в привычку всякий день прогуливаться по набережной или в парке, где Жорик уже стал заводить новые "знакомства". Знакомиться с собаками, как, впрочем, и с их владельцами не представляло для него никакого труда, поскольку пес он был на редкость общительный. Кто бы ни видел его, всех он заражал своим весельем и каким-то безграничным жизнелюбием.

Набережная и парк были далеко не единственными местами наших прогулок. Нравилось мне его выгуливать и в районе старого кладбища, которое окружало какое-то подобие леса. Жорику очень полюбилось это место. Если, к примеру, я вел его в сторону берега, то он начинал конфузливо почихивать, всем своим видом давая понять, что он не очень хочет идти туда, но стоило только повернуть в сторону кладбища, как он принимался заливисто лаять, выражая свое одобрение. Не доходя метров двухсот до кладбища, я переходил по шаткому мостку через небольшой ручей и спускал Жорика с поводка со словами "Гуляй или резвись". Слов этих и не требовалось: Жорик сразу начинал чертить пространство во все стороны с быстротой, за которой еле успевал глаз. Когда он отбегал слишком далеко или до опасного приближения к шоссе со снующими по нему машинами, я голосом приказывал ему вернуться. Услышав меня, он лихо разворачивался на своих пружинистых лапах и бежал ко мне со скоростью ракеты.

- Ну что, непоседа, не набегался еще? - тоном приветливого упрека говорил я ему.

Стоило мне только с ним заговорить, и в Жорике происходила удивительная перемена, как будто смысл каждого слова, обращенного к нему, был ему доступен, морда при этом принимала выражение осмысленного соучастия.

Так проходили дни за днями. Песик мой подрастал и креп. Зима миновала. Наступила весна с ее ночными заморозками и дневными оттепелями. "Вот придет лето, и я заберу Жорика с собой в деревню, - подумывал я, - покажу ему настоящий лес". В том, что он ему понравится, я не сомневался, тем более что леса на юге Псковской области чудо как хороши. Ну а пока приходилось переживать слякотную в тот год весну, выбирая для прогулок редкие погожие дни.

Как-то раз солнечным апрельским днем мы по обыкновению отправились в сторону старого кладбища. В тот день погода благоприятствовала, и мы больше обычного задержались на нашем месте. Пока я покуривал, Жорик вовсю резвился с небольшой лайкой, хозяин которой мне был знаком. Мы разговорились. Василий Ильич (так звали хозяина лайки) поведал много интересного; он был заядлым охотником и охоту без собаки, тем более такой универсальной, как лайка, не представлял. Эта лайка, с которой сдружился Жорик, была у него уже четвертой. Он рассказал о том, как мать этой собаки (кажется, её звали Муха) буквально спасла его от смерти во время охоты на берлоге, повиснув на гачах рассвирепевшего раненого медведя. Василий Ильич рассказал и еще что-то из своей богатой охотничьей практики, под конец нашей беседы слегка даже пожурив меня за то, что я не охотник. Возвращаясь домой, я думал, что охотники, во всяком случае такие, как Василий Ильич, в сущности довольно странные люди: как будто на их страсти обрываются все интересы, увлечения, дела, которых так много помимо охоты.

- Нет, Жора, мы с тобой охотой заниматься не будем, хватит и без нас охотников, - говорил я Жорику.

Я ждал приближения лета. И как всегда бывает, когда чего-то ждешь или желаешь, то это желаемое не очень-то спешит со своим приходом. Тем не менее, природа брала своё. Входил в силу май. Деревья стали покрываться веселой молодой зеленью. Теперь мы с Жориком гуляли каждый день по нашим излюбленным местам.

Время шло. Чем больше я общался с Жориком, тем чаще

ловил себя на мысли о том, что поступок (а взять на себя ответственность за живое существо - это, бесспорно, поступок) оказался верным, - на первый взгляд незначительным, значимым только для меня, но верным. Сколько радости, душевного тепла вносило в мою жизнь общение с этим симпатичным существом. Иной раз достаточно только было поглядеть на его потешную морду, и, в общем-то, серая жизнь скрашивалась добротой и участием. За эти несколько месяцев я сам-то почувствовал себя доброжелательнее в отношении к другим людям, и в этом заслуга небольшой, как будто вечно улыбающейся собаки была несомненна. Я просто не мог злиться на него: даже его манера прятать мои домашние тапки никогда не могла вывести меня из себя, как часто бы он это не проделывал. Ничто не могло заставить меня поднять на него руку, ни разу я не хлестнул его концом поводка, хотя он этого иногда и заслуживал. Вообще насилие над животным с детства мне было глубоко противно и мерзко. Я всегда считал, что людям жестоким незачем окружать себя живыми существами, в противном случае они будут перенимать все самое гадкое и отвратительное от своих хозяев, ломая своё естество, которое в основе своей несет все-таки доброе начало.

Свою же собаку я не баловал, но никогда и не наказывал, пуская её воспитание больше на самотек; может, я был и не прав, но иначе я не хотел, да в общем-то и не мог.

Приближалось лето. Всё в природе говорило об этом приближении: и устоявшаяся солнечная погода, и теплые, ласковые конца мая вечера, и улыбки людей, все равно любящих лето куда больше, чем любое другое время года.

В конце мая меня затянули дела, и приход лета с его пышной победой явился не так ярко, как я этого ожидал. А между тем лето удалось на славу. Как будто в отместку за в общем-то холодную весну солнце немилосердно палило с самого начала июня. В том году стояла несвойственная нашему северному краю жара: в иные дни температура достигала 30 градусов в тени. В такое пекло мы с Жориком не рисковали появляться на улице и сидели дома. Жара всегда на меня плохо действовала, внося в настроение сонную и вместе с тем мучительную, свинцовую тяжесть. На Жорика жара действовала также удручающе: обычно он находил в квартире угол потемнее и попрохладнее, вбирал голову в передние лапы и начинал нудно скулить.

- Ничего, ничего, не век же быть этой пытке. Вот спадет жара, и мы укатим с тобой в деревню, дружок, - подбадривал я собаку.

Обычно затянувшаяся духота несет за собой грозы и дожди. Так было и в это лето. В один из дней небо словно раскололось на две части. Сначала редкие, а затем все учащающиеся грозовые раскаты превратились в сплошную канонаду. Хлынул ливень, очевидно мало чем уступающий библейскому канону. Мой пес зажался в угол, и если бы Жорик умел креститься, то он бы только этим и занимался.

- Что ты боишься, дуралей, ведь мы же дома? - старался я успокоить не на шутку испугавшуюся собаку.

Ровный, спокойный тон моего голоса на время подбадривал Жорика, но очередные раскаты тут же заставляли его туго зажимать хвост между задними лапами. Грозы с дождями продолжались несколько дней. Небо как будто освобождалось от накопившейся и словно мучавшей его влаги. Но зато как чист был насыщенный озоном воздух после частых гроз. Как славно дышалось после них. Пережив эти грозовые дни, мы возобновили наши с Жориком прогулки.

И вот наконец наступил день отъезда в деревню. Об этом дне я мечтал в течение всего бесконечно тянувшегося года. Вот уж более двадцати лет я езжу в деревню, и летний отдых без нее просто не представляю. Вещи давно упакованы и аккуратно сложены в багажник. Жорик удобно расположился на заднем сидении в машине. Ехать было не близко - более 400 километров. Дорога настолько знакома, что за все время, пока мы ехали, я или дремал, или разговаривал со старшим братом и мамой. Жорик смешно реагировал на обгонявшие нас машины, не без злобы облаивая их. "Что же все обгоняете, разве не видите, что я еду в деревню?" - как бы говорила его мордашка с выражением не свойственной ей злобности и оттого еще более смешная.

- Ну, не сердись, не сердись, - успокаивал я его, - а то глаза разгорелись, как у хорька.

Плавный ход машины укачал Жорика, и он наконец уснул, подергиваясь во сне, очевидно переживая новые впечатления от поездки.

К вечеру мы добрались до нашего деревенского дома, который встретил нас улыбкой уставшего ждать человека. Ведь почти на год он оставался один сиротливый и тихий. Двор почти сплошь зарос высокой в пояс травой. Сарай и баня покосились. Все это надо было приводить в порядок, но это завтра. Сегодня мы устали от долгой дороги, и нам следовало отдохнуть.

На следующий день, встав рано и наскоро поев, мы уже работали с братом: подставили стойки в виде прожилки под

покосившийся сарай, с помощью специальных домкратов, одолженных у соседей, приподняли нашу, ставшую уже ветхой, баню и подложили свежий венец взамен сгнившего. Все это время, пока мы работали, Жорик внимательно наблюдал за нами из-за высокой, местами порыжелой уже травы. Работать он не мешал, словно сознавая серьезность и значимость нашей работы. Временами он, правда, немного капризничал, несколько уязвленный нашим по отношению к нему невниманием. К вечеру основная, намеченная заранее работа была закончена, и мы, признаться, сильно устали в тот день, но сознание выполненной работы вносило в настроение спокойную, заслуженную радость и умиротворение.

Двумя днями позже брат уехал, и мы остались втроем. Жорик уже по праву становился членом нашей семьи. Порой я даже находил в его глазах выражение чуть ли не равенства: все-таки мы немного баловали его.

Как я и предполагал, роскошный, окружающий деревню лес Жорику очень понравился; особенно полянка неподалеку от деревни, окаймленная березами и молодыми дубками. Как он любил это место, иногда мне приходилось чуть ли не силой уводить его с этой живописной полянки.

Жорик был со мной повсюду: в лесу, на рыбалке, шел ли я в сельский магазин или по каким-то иным делам - всегда он был рядом. В деревне мы с ним особенно сдружились. Разве я мог предполагать тогда, что трагический случай оборвет нашу дружбу навсегда. Обычно он находился у меня, что называется, на глазах, но однажды он вырвался из-под моего контроля и куда-то исчез. Я не находил себе места, я оббегал всю деревню, расспрашивая всех и вся о Жорике - никто о нем ничего не знал. "Господи, да куда же он мог пропасть?!" - сокрушался я. Мама тоже была в отчаянии: за последнее время она особенно привязалась к Жорику.

Почти до вечера продолжались наши поиски - все тщетно. Соседка Валентина, заметив в моем лице грустную перемену, спросила с участием:

- Что случилось?
- Жорик пропал, просто не знаю, что делать.
- Постой, - перебила она меня, - уж не вашу ли собачку я видела в овражке около купальни.
- Когда?
- Да вот недавно, как с дежурства шла. Знаешь, с ней что-то произошло нехорошее. Она в овражке этом лежит и не встает.

Я со всех ног понесся в сторону купальни. Предчувствие чего-то страшного, необратимого обожгло меня. Я добежал до купальни в один дых. Вот и небольшой овраг, своим окончанием в форме подковы подходивший к самой воде. В середине этого овражка я и увидел моего Жорика. Он лежал на боку. Его куцее тело было неестественно вытянуто, голова словно вошла в землю, язык вывалился из пасти и был слегка прикушен.

- Жорик, Жорочка! Что с тобой, миленький? - только и выдохнул я из себя. Мне сразу стало ясно, что это всё, что мой, мой Жорик уже никогда не поднимется, никогда не посмотрит на меня своими ясными умными глазами. Бережно я поднял его с земли и, спотыкаясь на ровном, понес домой. Мама, увидев меня с Жориком на руках, горько по-старушечьи расплакалась.

Остаток этого дня я помню как-то сумеречно, словно все, что происходило дальше, происходило не со мной, а с каким-то другим человеком. Помню, что я пытался найти зоотехника (ветеринара не было в деревне) и не нашел. Когда я вернулся домой, Жорик лежал на веранде на подложенной под него стареньком пальтишке. Он не скулил, не визжал, а только часто-часто дышал.

Жорик жил еще часа два. Под утро он вздохнул, последний раз взглянул на меня уже угасающими глазами, вытянулся и затих навсегда.

Позднее я узнал, что было причиной его смерти. Мальчишки, рыбачившие в тот день у купальни, видели, что Жорика задавил какой-то мотоциклист, незнакомый и, очевидно, не из местных.

Похоронил я своего Жорика на краю той березовой поляны, которую он так любил. Не знаю, сколько времени я просидел у могилы, вспоминая такую маленькую жизнь этой собаки и наши с ней отношения, но первое, что наиболее ярко всплыло и как-то резко обозначилось в памяти, было: белый снег и оранжевый на белом веселый шар - Жорик.

Я погладил чуть влажный холмик, потом резко встал и, сдерживая слезы, пошел прочь.

**Александр
ЛУКИН**

*оперативный дежурный управления
безопасности и связи*

НЕ ТРОГАЙТЕ ПЕПЕЛ

Они были старыми и ни на что уже не годились. Когда-то в прошлом, это была симпатичная черная собака с поднятым коротеньким хвостом. Глаза ее - пуговики - терялись в шерсти. Теперь она глядела на мир лишь одним удивленным глазом, а второго уже не было, хотя, может быть, он еще был - под шерстью? Но у нее не было и красного треугольничка носа, а ведь это значит, у нее не было нюха.

Пластмассовый поросенок по-прежнему был толстый и румяный, но он растрескался. Скоро их должно было стать два и поворачиваться к миру каждый уже мог бы только одним боком.

Но разве это интересно - только одним боком?

Конечно, и собака и поросенок знали хорошие дни, когда были участниками веселой, но серьезной игры.

Собака сторожила невсамделишный вход и невсамделишной комнаты - это был отведенный детский угол. И каждый проходящий должен был стучать, а затем терпеливо ждать, пока хозяйка, внимательно и ревниво следящая за выполнением всех элементов придуманной ею игры, не разрешала переступить запретную черту, охраняемую черной собакой.

Собаке, в основном, приходилось быть на входе, но поросенок всегда находился в комнате, и есть его сажали среди большой компании. В ней были несколько разновозрастных кукол Ляль и Кать, закрывающих глаза, если их неудобно сажали. И медведь, всегда стоявший наготове с большой красивой ложкой.

И Степка, постоянно натягивающий штаны после известной процедуры, - он радостно и облегченно смеялся, показывая один большой зуб.

Тут за столом была обычно и коричневая обезьяна, которая как садилась за стол, так и не сводила огромных круглых глаз с тарелок на столе.

После очень длинного обеда весь этот народ рассаживался по партам, а поскольку их учительница ходила в детский садик, то проходили они, в основном, одну и ту же букву "А", потому что другие давались учительнице труднее.

Я любил наблюдать за этой ненастоящей жизнью, в которой не было ни зла, ни обмана, ни зависти.

Теперь их учительница и кормилица пошла в первый класс. И, разбирая свои игрушки, она, видимо, обнаружила дефекты у собаки и поросенка, сочла их непоправимыми и легкомысленно отдала друзей мне "отнести в другое место".

Но видно, не было им другого места на Земле и нести их было некуда. И я после некоторого колебания отправил их в печку, стараясь не глядеть, как они будут гореть.

И поросенок, и собака лежали на боку и вышло так, что собака голову положила на поросенка - последнее, что она могла сделать для своего одноклассника.

Собака горела по-настоящему, а поросенок никак не хотел. Он лежал рядом, долго сохраняя свой румяный бок для головы своего бывшего друга. Он все больше подрумянивался, как настоящий.

Но вот и от него стали отходить синие огоньки, и через короткое время его не стало.

Собака горела еще долго и, наконец, когда я заглянул в печку, она также лежала по-прежнему черная, но похудевшая, а от поросенка рядом была кучка серого пепла.

Я знал, что если трону сейчас собаку, она рассыплется и станет тоже ничем.

Я не стал этого пока делать - надо как-то привыкнуть, что их не стало, а через некоторое время все это сделать будет легче.

**Светлана
ГОРИНА**

*выпускница филологического
факультета*

САЛОМЕЯ

Иногда со мной происходят странные события, противоречащие окружающей меня действительности. Тогда течение жизни будто замирает на мгновение, и я задаю себе риторические вопросы: "Где я? Что здесь делаю?". Они цепляются за ткань моего существования, ставят меня в тупик, но затем материя бытия разглаживается, и вопросы исчезают... до следующего раза. А ведь всё происходит из-за какой-нибудь мелочи.

Вот, например, сейчас зазвонил будильник. На дисплее уверенно светились цифры 8:40. Я пила капучино в небольшом кафе, в котором висела репродукция картины "Саломея" и звучала музыка Паганини. Мощный трезвон, прокатившийся по всему помещению, перекрыл нежные переливы скрипки, и посетители с удивлением уставились на меня. Щеки у меня полыхали ярким пламенем. Будильник сломался три месяца назад, и я только сейчас собралась забежать перед работой в ремонтную мастерскую. Ну, кто мог подумать, что он сойдет с ума и затрезвонит на все кафе?

Это событие почему-то выбило меня из колеи. Я заказала пирожное (это-то, конечно, уже лишнее, однако, мне необходимо собраться с мыслями; но я жестокий человек, и потом уж отругаю себя по полной программе). Дело в том, что этот настойчивый звон напомнил мне раннее утро, когда я лежу на горячей подушке и с нетерпением жду рассвета, боясь снова заснуть...

Часто мне снится, что я совершила убийство, но совершила

буднично, спокойно и даже как будто буржуазно. Во сне я иду по узким извивающимся улочкам европейского города. Меня окружают невысокие дома с колоннами и башенками на крыше. Мимо снуют люди. Рядом с летними кафе огромные экраны телевизоров показывают футбол. Город заливают солнце, и от мощного булыжником тротуара поднимается приятное тепло.

Я прогуливаюсь по улице, а в моем сознании пульсирует одна мысль - я совершила убийство. И все эти люди даже не подозревают, кто рядом с ними идет. Примечательно, что я сама понятия не имею, кто же жертва. Никаких подробностей в моем затуманенном мозгу не сохранилось. Душу наполняло не мучительное сознание вины, а, скорее, удивление. Тайна выделяла меня среди других людей и опьяняла чувством свободы, словно я перешагнула запретную черту, и теперь можно не считаться с принятыми условностями.

Было немного страшно и, казалось, я почти не дышу. Я отличалась от этих людей, снующих в огромном гудящем муравейнике, и это словно давало мне некоторое преимущество.

Но затем на лбу выступали крупные капли пота от неожиданно подкравшейся тревоги, становилось тоскливо, как глухой ноябрьской ночью в лесу. А что если кто-то из этих людей или даже все тоже опьянены этим же чувством превосходства?

И все из-за запретного действия, в красках представленного голливудскими блокбастерами. Я перестала доверять солнечному европейскому городу, ставшему клеткой для убийц и предателей (и я среди них!). Мне безумно захотелось вырваться отсюда, но где выход? Этот мучительный вопрос, взрывавший мой мозг, обычно будил меня.

Я лихорадочно соображала, где нахожусь, но домашняя обстановка не успокаивала. Сон словно протянул свои щупальца в реальность: меня до сих пор интересовало, кто же стал моей жертвой. Странно, на мой взгляд, я вполне безобидный человек, а по ночам совершаю убийства. На работе я, конечно, забывала о своих кошмарах, но подсознательно со страхом ждала наступления ночи. Вскоре я поняла, что сон, скорее всего, означает простую и бесконечную, как линия, истину - мое подсознание что-то тревожило, и оно выбрало оригинальный способ меня об этом известить...

В тот день, когда зазвонил будильник в кафе, я решила - хватит! Да, во мне происходит что-то не так, но это не значит, что я сошла с ума.

И тут за мой столик подсел молодой человек с русыми

волосами и красивыми грустными глазами и попытался завести разговор. Он, теребя концы шерстяного шарфа, стал философствовать на отвлеченные темы. Я с трудом поспевала за причудливыми скачками его мысли, которая, возможно, неслась в никуда. Вдруг он встал и ушел, даже не попрощавшись.

Но через два месяца таинственный посетитель вновь сидел рядом со мной в кафе. Я решила как-то установить с ним контакт, но вопросов он не любил. Зато много говорил сам - о погоде и новых фильмах. Среди всей этой словесной мишуры он как-то вскользь бросил фразу: "Знаете, я думаю, у каждого человека есть своя боль, которую он прячет от всех на самом дне души".

В глаза моего незнакомца я заглядывала с некоторым страхом: там, в чернильной тьме, будто притаилась неведомая опасность, забытый ужас древних времен...

У меня есть мечта - когда-нибудь увидеть водопад, это стремительное падение воды в веере брызг. Возможно, тогда во мне что-то неуловимо изменилось бы. Жаль, я не встретила человека с душой, которая дарила бы такую же живительную прохладу...

Мы знакомы уже несколько месяцев, а я почти ничего о нем не знаю, хотя иногда хожу с ним в кино. В разговорах он прячется от меня за абстрактными и безопасными темами. Выяснилось, однако, что у нас общие литературные вкусы, а, кроме того, он мечтает когда-нибудь съездить к океану. Что ж, возможно, тяга к воде и сблизила нас.

Как-то он позвонил мне и настойчиво попросил увидеться вечером. Да таким голосом, что я испугалась. Когда я вошла в кафе, сердце у меня стучало, как бешеное. Но ничего не произошло. Мы пили кофе и болтали о том, о сём. Все же при расставании я осмелилась спросить, что такое случилось. Он лишь дотронулся до моей руки: "Спасибо, что пришла, теперь мне намного лучше".

Теперь у меня появилось новое занятие - я мучаюсь угрызениями совести. Зачем я общаюсь с ним? Может, все дело в моем любопытстве? Недаром говорят, оно кошку сгубило. Но он заинтриговал меня своими намеками, молчанием, странным поведением. Мне до дрожи хотелось приблизиться к тайне его души. Лучше узнать его характер, увлечения, образ жизни - все это было интересно, страшно и наполнено странным очарованием, как в детстве, когда открываешь запретный шкаф. А потом, удовлетворив свое ненасытное любопытство, можно будет

спокойно жить дальше, с усмешкой вспоминая о своем приключении, которое казалось похожим на юркую ласточку.

Но почему-то в тот момент, когда его рука коснулась моей, мне не захотелось проникать в чужую душу. Слишком опасно и серьезно. Весенняя ласточка грозила обернуться хищным коршуном. От его прикосновения, короткого и почти случайного, через тело словно прошел электрический заряд. И мне это очень не нравилось. "Так, спокойно, - говорила я себе. - Я легко смогу это сделать, легко"...

Я очень люблю пить кофе в этом уютном кафе и смотреть на "Саломею". Странно, но ее задорная жестокая улыбка нисколько не противоречит всей атмосфере. В тот день я тоже смотрела на эту улыбку - это словно придавало мне силы. К счастью, он все понял, без долгих объяснений. Молча, поцеловал мою руку и исчез из моей жизни навсегда.

Мы с Саломеей посмотрели друг на друга - мне кажется, она меня поняла.

**СВЕТ
ИЮньский**

**Виктор
КУТКОВОЙ**

преподаватель кафедры дизайна

ПРИТЧИ

Житьё

Мы находимся на батуте. Сильнее оттолкнёшься - выше прыгнешь. Неудачно приземлишься - падаешь на спину. Целое искусство!

Каждый стремится прыгнуть выше. Но не каждый заботится о приземлении.

Вы просите о помощи?

Слезьте с батута.

Момент силы

"Я - обыкновенный домашний предмет, - подумал про себя чайник, только что поставленный на огонь. - Живу от-чая-нно, беды не зная. Главное - напоить людей. Всё просто. А простота - это отсутствие суеты. И действительно: мне некуда торопиться. Если кому-то понадобится быстро согреть воду, то он прибавит огонь, но от меня никто не потребует усилий. Таким образом, я свободен в себе. Даже вода, при всей текучести, которую она мнит своей свободой, ограничена пределами моего объема (притом, что считается даже стихией). Поэтому она не предмет.

Более того, вода работает на меня. Вот и сейчас она, нагреваясь, щекочет нутро мелкими налипшими пузырьками, доставляет одну приятность, отдавая тепло. Все-таки не

последнее дело быть предметом! Это ведь не песок, которым тебя чистят, а потом его выбрасывают вон. Здесь - уважение: предмет может быть даже объектом изучения для науки.

Да и вообще, чайник - дюжине чашек начальник. Не он их, а они его всегда с нетерпением ожидают. Кто на кухне дерзнет сравниться по иерархии? Кастрюля?! Кастрюль несколько, а чайник один, и власть только у него. При надобности, он может себе позволить насвистеть на других. Имеет право. Впрочем, свист - только инструмент власти, но чайник обладает нечто большим. Силой!!! Силой права и правом силы.

Не приближаться!! Всем до отказа закрутить гайки!!! При желании, он способен иссушить кипятком все живое вокруг.

Вот уже побежали, побежали, побежали, забулькали крупные пузыри... Однако надо сначала устрашающе просвистеть!"

И только раздался на кухне свист - как чайник тут же сняли с плиты.

На грани...

Выросла в лесу ель высокая, густая, раскидистая, дивная. И какого-нибудь зверька перепуганного она иногда укрывала от охотников, и птиц прятала в грозу, и грибников угощала лисичками, выросшими под ее сенью...

Но все в подлунном мире не вечно. Кто не знает? Минула бы со временем красота, состарилась и засохла бы ель, превратившись потом в смертоносный для леса тлен - да не дал Бог ей так закончить жизнь. Пришли лесники, спили-срубили елочку и отдали ее для украшения городской площади к новомуднему празднику.

Медленно впадая в сон, и будучи наряженной, словно невеста, ель не переставала удивляться: чему столь восторженно радуются вокруг нее люди? Она просто ничего не знала о загадочности человеческих душ.

Узлы на память

Старик распутывал большой клубок веревки. Высвободив кусок и отрезав его, он продолжал распутывать дальше. Когда было покончено со всем клубком, старик связал все куски в одну веревку. Но она получилась узловатой.

Мы находимся в положении этого старика: кусками кроим жизнь.

Вы спрашиваете - стоит ли?

Каждый решает сам.

Чудо любви

Мать пускала над головами детей мыльные пузыри. Дети весело пытались их поймать, но пузыри лопались от малейшего прикосновения к ним.

Наконец, самый младший из детей поймал один невесомый прозрачный шар и принёс его на ладонках изумленной матери.

- Малыш, как тебе это удалось?!! - воскликнула мать.

- Пузырики так мало живут... Мне стало их очень жалко.

О любви к правде

Давным-давно в одном королевстве люди перестали говорить друг другу правду. Встретятся два человека, похвалит один другого, а другой - первого и разойдутся. Воров перестали называть ворами, предателей - предателями. Все считали себя только порядочными людьми, хотя жизнь от этого лучше не становилась.

Понял король, что так придет его королевству конец - взял да издал указ:

"Отныне повелеваю каждому нашему подданному носить маску. Никто не имеет права появляться без маски в нашем королевстве".

Богатые, не мешкая, закупили разных масок побольше. Кто знает, какой будет мода?

В королевском дворце министры и вообще вся знать каждый день появлялись то в одних масках, то в других. Никто не узнавал друг друга, даже самого короля, когда тот снимал корону. Придворные принялись говорить друг о друге правду, не жалея и своего монарха. Но это была устаревшая правда - правда того времени, когда люди ходили с открытыми лицами. Определить же сегодня кто вор, а кто предатель стало вообще невозможно. Порядка оказалось намного меньше, чем прежде.

Понял король, что его королевству придет конец совсем

скоро - взял да издал новый указ:

"Отныне повелеваю каждому нашему поданному носить маску только один день в году. Никто не имеет права - ни мужчина, ни женщина - в остальное время прятать свое лицо".

Так и появился на свете новогодний бал-маскарад.

Жертва вечерняя

Буря, налетевшая к ночи, вывернула с корнями молодую красивую сосну. Но ветер не причинил вреда первобытным, старым соснам, увешанным засохшими ветками.

- Почему так произошло? - спросил сын отца, стоя у рухнувшей молодой красавицы.

- Лес решил задобрить могущественную бурю. И, спасая от гибели всё, он отдал в жертву лучшее, что у него было.

Субъективный взгляд

Увлеклось несколько муравьев охотой на цикаду, да и убежали они далеко от муравейника. Но цикаду поймали; тащат ее и ругаются, что земля такая большая, из-за чего трудно и далеко им добираться домой. Посмотрели муравьи на небо, увидели орла и между собой рассуждают: "Правильно говорим. Громадная все-таки земля. Даже орел-исполин отсюда кажется совсем крошечным".

Летит зоркий орел в небе и удивляется крохотности земли: "Всего пару взмахов крыл - и ты уже на другом краю поля. Она до того мала, что кажутся великанами даже муравьи, которые тащат домой придушенную ими цикаду".

Что день грядущий нам готовит?

Оказались неподалеку друг от друга вкопанными два столба. Один был из дерева телефонным, а другой - из железобетона - электрическим.

И вот показалось последнему, что он и крепче, и стройнее, и долговечнее деревянного. Он даже придумал для соседа кличку: "Деревянщина". Тот же в ответ называл электрический

столб "Железобетоном".

Когда опустеет улица, то электрический столб начинает гудеть:

- Ну, что, Деревянщина! Гниешь, дубина? Отстал ты от времени. На дворе технический прогресс, нет у тебя будущего.

- Не знаем мы, Железобетон, своего будущего. И знать не можем. Мир есть тайна, - отвечал телефонный столб.

Скоро случилось непредвиденное. Большой грузовой автомобиль врезался в железобетонный столб и сломал его. Согнулся Железобетон, словно его радикулит разбил, даже два порванных железных прута выпустил наружу. Приехали электрики, поломали головы - делать нечего: выкопали столб и увезли на свалку. Ни для чего он стал не пригоден.

Время все же, действительно, не остановить. Пришла пора, выкопали и деревянный столб, поскольку телефонный провод был заменен на кабель, а кабель спрятан под землю. Столб решили пустить на дрова.

И он отдал последнее, что мог дать - тепло...

Ценности жизни

- Хорошо тебе, - сказала Правда Любви, когда они повстречались. - Имеешь мало врагов, всем нужна, а значит легко живешь. Я же иногда чувствую себя лишней, многим не нравлюсь и бываю даже гонимой. А ведь без меня неминуемо развалятся семьи, цари не перестанут врать подданным, подданные станут предавать свою страну. Вся жизнь будет обречена на гибель.

Вот потому и кажется мне, что Правда на свете выше, дороже и намного важнее всего остального.

В это время проходила мимо Старица.

- Рассуди нас, мать! - обратилась к ней Любовь. - Правда говорит, что без нее люди вымрут, поэтому она - самая главная ценность в жизни.

- Правда, действительно, очень важна для людей. В ней пребывает Бог. Но выше Правды - Любовь, ибо она и есть Бог. Горе от той Правды, которая ходит без Любви, - ответила Старица.

- Как тебя зовут? - спросила ее Правда.

Старица промолчала и продолжила свой путь; потом обернулась назад и издали крикнула:

- Жизнь.

- Пстой, нам по пути! - в один голос воскликнули Любовь и Правда.

И последовали за ней.

Если вы не встречаете их вместе, то, значит, Правда, Любовь и Жизнь где-то разминутись и ходят поодиночке. А иногда все-таки кого-то из них видят вдвоем.

**Максим
ГУРЕЕВ**

*доцент кафедры теории и истории
культуры*

О ДОЛЖНОМ И РЕАЛЬНОМ

1) Добро побеждает ВСЕГДА, просто зло часто пытается скрыть факты этой Победы.

2) Устаревшие формы культуры отмирают только для того, чтобы появились новые, более совершенные. Органика русской культуры уникальна своими корнями и плодами.

3) Причиняя боль другим, тем самым не утолишь, а только ещё больше разожжёшь боль свою.

4) Сила действия определяется силой желания. Крепость результатов действий диктуется моральной чистотой желаний.

5) Есть эстетично поданная еда, и есть эстетическое поедание. В сфере искусства актуален не только талантливый автор, но и достойный реципиент.

6) Только в одиночестве человек в полной мере сознаёт своё величие или ничтожество. По-настоящему великий человек полностью независим от субъективных и лживых мнений.

7) Цель истинной науки - не просто описать то, что было и есть, но и нацелить человека на лучшее будущее, которое будет учитывать предыдущие ошибки.

8) Старость - это душевное состояние, когда человек больше ноет о том, как ему тяжело жить, вместо того, чтобы сделать свою жизнь лучше. Позор той стране, в которой 20-летних стариков больше, чем пожилых...

9) Каждый человек приходит в мир с целью воплотить

свою Миссию. Если бы он не был уникален, он не пришёл бы...

10) Смысл слова "выжить" заключается не только в том, чтобы сохранить свою жизнь, но и в том, чтобы выжить кого-то, руководствуясь принципом "или ты, или тебя". Жизнь мудреца состоит, наоборот, в том, чтобы не выживать, а ЖИТЬ самому и давать жить другим.

11) Действительность показывает, что любое оружие, содержащееся "на всякий случай", рано или поздно сработает, и не факт, что против врага владельца оружия - пострадать может и сам собственник...

12) Чем мудрее человек, тем лучше он слушает и СЛЫШИТ других людей, учится объединять свои усилия с усилиями других людей, разделяющих его цели.

13) Обида наносится не просто из выдумок; самое обидное для человека - это услышать неприятную правду о себе.

14) Хочешь, чтобы что-то узнали все, скажи многим. Хочешь, чтобы узнали многие, скажи избранным. Хочешь, чтобы узнали избранные, не говори никому.

15) Русская смекалка не знает границ. Сообразительный мужик и у дьявола челюсть сворует.

16) Он искал Силу вовне: в книгах, фильмах, видеоиграх, иконах, а Она всегда была внутри него. Пока он занимался бесполезными поисками, Её стало меньше... Будь центрирован.

17) Когда ты создаёшь талантливые произведения, их знает узкий круг экспертов. Когда ты творишь шедевры, твоя слава опережает тебя.

18) Хотеть всех - значит, не хотеть никого. Любить избранных - значит, стремиться к суженой (сужденной, судьбоносной).

19) Девиз - "идти всегда по жизни с открытой душой и чистым сердцем" - не стоит понимать дословно, ибо человек живёт в относительном, а не в абсолютном мире, поэтому и контекст он должен учитывать напрямую.

20) Если существо выражается, что хочет "сдохнуть", то о чём с ним говорить? Разумнее проигнорировать, ибо "помогают лошади, которая везёт".

21) Если ты желаешь развиваться, то среда сама подкинет тебе интересные ситуации, без всяких искусственных поисков.

22) Стихи нужно записывать сразу, прозу можно переформулировать и потом. Это объясняется тем, что душевное

озарение не дублируется, зато рациональные конструкции вполне воспроизводимы.

23) Шёпот некоторых людей звучит оглушительнее, чем бестолковый крик многих других.

24) Не каждый человек достоин победы, не всякая победа достойна человека.

25) Для того, чтобы автор тех или иных оригинальных произведений искусства (неважно, какого именно жанра или стиля) стал признанным обществом, на его творениях должно быть воспитано, выращено, как минимум, одно поколение людей

26) Добро нужно помнить всегда, а зло - припоминать в случае необходимости, чтобы не вляпаться в одно и то же г...о несколько раз.

27) Если бы все земляне выключили свои сотовые телефоны, то у них меньше болела бы голова.

28) Хорошие люди предпочитают не сближаться с теми, от кого их морально тошнит, даже если это может быть чрезвычайно выгодно. Коммерческий расчёт часто оказывается духовным (а через это - и жизненным вообще) просчётом.

29) Сомнение, возникающее в голове, - признак того, что мозг в наличии имеется.

30) Один делает вид, что улыбается над тупой шуткой начальства, другой - искренне смеётся над самим начальством.

31) Понимание (или, как минимум, актуальное желание понять) важности чего-либо рождает действие, непонимание - ищет оправдания для своего бездействия.

32) Доходы и прибыль граждан не растут, когда в правительстве полномочия узурпируют безнравственные доходяги.

33) Одни добросовестно несут по жизни СВОЙ крест, другие - бесстыже, нагло и лживо ждут нового Мессию, Который взвалит на свои плечи ИХ ношу.

34) Ценность гуманитарных наук не понимают только те, кто не желает сохранять свою историческую память, те, кто всячески пытается отречься от своего прошлого. Вместо того, чтобы учиться на ошибках былых дней, такие субъекты повторяют их вновь и вновь.

35) Под маской морализатора может скрываться банальное желание узурпировать власть.

36) Занимаясь ТОЛЬКО обличением во лжи других, люди не становятся от этого правдивее сами.

37) Излишняя бюрократическая волокита - это нежелание чиновников делиться с народом жизненными благами.

38) По большому счёту, вся жизнь человека сводится к 3 функциям: поглощать, перерабатывать, выдавать информацию. Это касается всего: и физического, и личностного, и культурного уровней.

39) Умные патриоты увеличивают свои силы консолидацией своих действий и достигают своих общих целей; глупые - спорят о том, кто из них б?льший патриот, чем другие. Любовь не укладывается в конкретные количественные показатели; главное - есть ли она вообще или её просто нет.

40) "Легче" и "лучше" - далеко не одно и то же.

41) Жизнь, по большому счёту, проста как орех. Есть только Свет, тьма и сомневающиеся.

42) Дьявол - блестящий торговец. Он не только заставляет недалёких людей поверить в то, чего нет, но ещё и получает с этого деньги. Шоу-бизнес, нагревающий свои руки на продаже иллюзий, - дьявольщина в чистом виде.

43) Иногда то, о чём молчат, гораздо важнее, чем то, что говорят. Оглушительное молчание способно растворить многосложные тирады в вечности...

44) Очень часто чем лживее натура, тем шире публичная улыбка.

45) Всё, на что человек расходует свою энергию, должно приносить ему витальную либо моральную пользу, или эстетическое наслаждение.

46) В жизни нужно двигаться вперёд не по нужде, а по вдохновению.

47) Случайности случаются в жизни только тех, кто отказался от расшифровки судьбоносных кодов и поверил в случайности. Все случайности вписаны в закономерности, в частности, в эту.

48) Сильный духом не стесняется своей силы, слабый - подчёркивает свои слабости, чтобы сесть кому-нибудь на шею.

49) В её глазах он увидел интерес не к нему самому, а к его интересу к ней.

50) Мафия бессмертна. Но и безжизненна.

51) Туго сжатая пружина со временем может распрямиться и больно ударить того, кто её тронул. Будьте осторожны с молчунами и угрюмыми людьми. Пружины души нужно отжимать постепенно...

52) Серьёзно всё то, к чему ты серьёзно относишься и чем серьёзно занимаешься.

**Геннадий
ИГНАТЬЕВ**

декан исторического факультета

ПОЖАЛЕЙТЕ НАС, ЛЮДИ

Он сидел передо мной на стуле с перебинтованными руками и говорил измученным голосом:

- Вот они мои раны. Получены через собак, к которым прикипел я душой с самых ранних лет. Собаку надо любить, как человека. И должна она иметь все гражданские права наравне с ним. Что удумали городские власти!? Требуют, чтобы мы своих друзей в намордниках выводили на улицу, да выгуливали в строго определенных местах. Нет, уж дудки! Убивайте меня, режьте на части, где хочу там и буду свою собаку выгуливать и без всяких там намордников. Собака просто так никого не кусит, а если и куснет пару раз то за дело: либо человек плохой, либо гуляет в неположенное время. Главное не мешаться в собачьи дела. Вот я влез и пострадал. Дело в том, что мой Арамис страсть как не любит бульдога, что живет под нами на четвертом этаже. Давеча пошел я со своей собачкой по двору прогуляться, а там уже пуделечек с хозяйкой по газонам бегают. Ну, мы к ним естественно примкнули: я гражданочку занимаю, а собачки, аки херувимчики, по двору порхают. Истинная идиллия, именины сердца.

Нагулялись, в подъезд зашли, всей компанией в лифт загрузились. А живет наш пуделечек на том же четвертом этаже, что и бульдог. Тут, признаться, я маленько маху дал, поводок отпустил. Гражданочка виновата, заговорила. Кто знал, что этот бульдог тоже без намордника на этаже разгуливает. Как только двери у лифта раскрылись, так мой Арамис и рванул. Вцепился в бульдога, а он в него. Вы бульдога представляете? Уж если он

челюсти сомкнет, то разжать их можно разве домкратом. Взвыл мой Арамис и бульдог воет, и оба кровью обливаются. Жильцы из квартир повыскакивали, больно им интересно, что в подъезде происходит. Нет, чтобы помочь, из-за дверей трусливо выглядывают. Один я в бульдожью пасть руку засунул, пытаюсь разомкнуть клещи железные, да Авдотья Ивановна, ударница труда, пенсионерка, так хватанула его лентяжкой по хребту, что та на мелкие куски разлетелась, а ему ничего, ворочает из стороны в сторону налитыми кровью глазищами, смотрит на нас с немым изумлением. Чем бы все это закончилось, не знаю, может, и не сидел бы я перед вами, а смотрел с листа газетной бумаги, обрамленный черной рамкой, если б не вышел на поле битвы бульдожий хозяин. Вместо сострадания и помощи спрашивает удивленно: "Что это вы мою собачку обижаете?!"

Вот потому и сижу я перед вами весь перебинтованный, малокровием ослабленный с великою просьбою: пропишите вы в газете о моих страданиях, чтобы не грозили мне власти штрафом административным, жалеть нас надо, а не наказывать. Ведь собака - это друг человека.

**Белла
ЛИТВИНОВА**
журналист (Великий Новгород)

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ "ПРИНЦ"

В это время мы с Майей учились на первом курсе филологического факультета.

По утрам, встречаясь на автобусной остановке, и добираясь до нашего университета, мы любили поболтать о занятиях, фильмах, книгах, но чаще о знакомых ребятах. Вместе путь нам казался короче и интереснее...

Как-то я целые две недели не видела Майю из-за того, что просидела с ангиной дома. Заметив её на остановке, я сразу поняла, что она пребывает в каком-то особенном настроении.

- Я тут такого парня встретила, закачаешься, - обалдело выдохнула Майка вместо приветствия. Выяснилось, что за неделю до этого Майя, по её выражению, "обратила внимание" на нового водителя автобуса.

- Если б ты его видела, - вдохновенно декламировала она, - рост, фигура, глаза. Ну, точно молодой Ален Делон (замечу, что для Майки Ален Делон - просто эталон мужского очарования и высшая степень восторга).

- Я знаю, я чувствую, - твердила она, - это мой Принц, я его себе таким и представляла.

Оказалось также, что вот уже несколько дней Майка караулит на последней остановке своего водителя, стараясь между рейсами попадаться обожаемому объекту на глаза. Думаю, моя подруга втайне надеялась, что он просто не сможет не обратить внимания на такое необыкновенное создание, как она, а, обратив, конечно, пожелает с ней познакомиться. Однако,

сильно желаемое знакомство всё ещё не состоялось.

- Сейчас он должен подъехать, я запомнила его график. Пойдём скорее на последнюю остановку, тут недалеко.

Майя подхватила меня под руку и мы побежали. Надо сказать, что особенно бежать мы не могли, так как Майка, чтобы выглядеть эффектнее, одела модные туфли на высоком каблуке, на которых и ходить-то совершенно не умела, и поэтому прихрамывала.

- Это ведь так редко бывает, чтобы тебе вдруг кто-то очень сильно понравился, - размышляла она по дороге, - у меня так в первый раз.

- Вот только выдумывать не надо, - не выдержала я, - а спортсмен Валера, а очкарик с физического.

Я садистски собиралась продолжить список. Майка была влюбчива и в нормальном состоянии сама над этим иронически подсмеивалась. Но теперь, похоже, она обо всём совершенно искренне забыла.

- Как ты только можешь сравнивать?! - задыхнулась она от возмущения, - всё это чепуха, детство и, вообще, одно разочарование. А здесь - настоящее, я чувствую, что настоящее.

В это время мы уже добрались до нужной остановки.

- Ах, вот и он идёт, - Майкина рука от волнения задрожала. И действительно, мимо нас весьма торжественно прошёл Майкин "принц-водитель" - высокий молодой человек. Хотя на Алена Делона, по-моему, он был совершенно не похож. Судя по всему, он уже обратил внимание на Майкины "выкрутасы", потому что, посмотрев на нас, как мне показалось, весьма нахально усмехнулся.

- Ну что, понравился? - ревниво спросила подруга. Если бы я сказала, что нет, она бы всё равно не поверила. Парень и в самом деле был достаточно симпатичным, ну и не более того.

- Только бы он не был женат, - твердила она, словно заклинание, сжимая, как на экзаменах, кулачки. И вдруг, умоляюще вцепилась в мою руку:

- Ты ведь такая сообразительная, придумай, как бы мне с ним познакомиться.

- Ну вот ещё, буду я тут думать, - отмахнулась я, - сейчас просто подойду к нему и выложу всё, как есть. Дескать, одна весьма симпатичная девушка очень уж хочет с ним познакомиться. Могу спорить - он сразу догадается, о ком идёт речь.

- Ты издеваешься, - застонала Майя, чуть не плача, - а я-то думала, что ты моя настоящая подруга. Делай, что хочешь, только меня здесь не будет.

Несмотря на такое заявление, уходить Майка, похоже, никуда не собиралась, хотя и обиженно сопела. Вообще-то, девушка она была упорная и так просто не сдавалась.

- Ну ладно, - сказала я, - у меня появилась другая мысль. Давай подойдём к нему вместе и скажем, что мы журналисты, и нам дали задание написать очерк о какой-нибудь интересной профессии. Попросим, чтобы он рассказал нам о профессии водителя. Так и познакомимся.

- Это другое дело! - захлопала в ладоши Майка, - конечно, ему понравится, что к нему обращаются такие симпатичные журналисты, и он пригласит нас куда-нибудь в кафе. Потом ты сошлѣшься на дела и уйдѣшь, потому, что это всё-таки мой Принц. А когда мы будем вдвоѣм, он, возможно, позовѣт меня в кино...

- Вот и хорошо, давай только поторопимся, - прервала я затянувшиеся Майкины фантазии, - может, я ещё и на латынь успею, - и я потащила слегка сопротивляющуюся и прихрамывающую Майку к видневшемуся невдалеке силуэту водителя.

Инициативу мне пришлось взять на себя, потому что Майя от волнения не связала бы и двух слов. Однако всё произошло совсем не так, как представлялось моей подруге. Как только я изложила суть нашей просьбы, водитель не изъявил по этому поводу особого восторга.

- Так вы журналистки? Вот, оказывается, в чём дело, - он насмешливо оглядел нас, - а ну-ка, журналистки, покажите свои удостоверения.

Но Майка уже ничего показывать не стала, она гордо повернулась и, даже не хромя, быстрыми шагами направилась в противоположную сторону.

- Ну вот, - ворчала я, едва поспевая за ней, - сразу и ушла. Ведь мы могли бы ещё показать ему наши студенческие билеты и объяснить, что мы не взрослые журналисты, а только учимся.

- Ничего этого уже не надо, - совсем спокойно сказала Майя, и я с удивлением заметила, что от её волнения не осталось и следа.

- Вот так сразу и разочаровалась? - уточнила я.

- Да нет, я ошиблась, - грустно ответила Майка, - мой Принц никогда бы не попросил у меня удостоверения. Он просто

посмотрел в мои глаза - и всё понял. Да и на Алена Делона он совсем, ну ни капельки не похож. Всё, не хочу о нём больше говорить.

На латынь мы, всё-таки, ещё успели... Через два дня Майя сообщила, что опять встретила того водителя.

- Он увидел меня на остановке, подошёл и сказал, что, вообще-то, я ему сразу понравилась. А ещё предложил сходить в кафе, или кино.

- Ну я рада за тебя, - отозвалась я.

- Да радоваться тут нечему, - усмехнулась Майка, - я ответила, что очень занята.

- Не понимаю, несколько дней назад ты об этом только и мечтала, - удивилась я.

- Я мечтала познакомиться с Принцем-водителем, а просто с водителем мне неинтересно. Придётся ждать Принца.

Я - СПОКОЙНА

(почти юмор)

Я - спокойна. Я - совершенно спокойна. Это раньше я из-за всего нервничала, до того дошла, что ночью спать перестала. Прихожу к врачу, жалуюсь:

- Бессонница совсем замучила. Думаешь, думаешь - столько проблем, заснуть от этого не можешь.

А врач советует:

- Выпейте перед сном пару ложек касторки.

- И что, я буду спать? - спрашиваю.

- Этого я, конечно, не обещаю, но зато думать теперь будете только об одном.

Весёлый врач попался. Оказывается, это у него метод такой.

- В наше время, - говорит, - можно жить, только став абсолютно спокойным. Я, - говорит, - прописываю вам лечение - вы совершенно ни о чём не беспокойтесь, а всё время повторяйте: "Я - спокойна, я - совершенно спокойна". И главное - улыбайтесь, умеете отдать должное хорошей шутке, без неё наша жизнь, как еда без соли...

Поэтому, я теперь всегда улыбаюсь и повторяю: "Я - спокойна, я - совершенно спокойна".

И надо сказать - чувствую я себя гораздо лучше. Кроме

того, стала я замечать, что и окружающие меня люди такие всё шутники попадают, словно у того же врача лечились.

Прохожу я тут мимо магазина, при входе висит объявление: "В нашем супермаркете вы можете купить все продукты, которые вам нужны". Обрадовалась я, что смогу всё себе купить, зашла. Ну что тут сказать, в магазине всё красиво, от всяких пакетиков, бутылок, коробочек глаза разбегаются. Только вот с моей зарплатой разбежаться как раз и не стоит.

Цены уж очень кусаются. При выходе другое объявление: "Если вы у нас ничего не купили, значит вам это и не нужно". Вот какие продавцы хорошие, заботятся, чтобы людям весело было. Проголодалась я, глядя на всё это, и решила зайти в столовую.

Раздавальщица мне тарелку с супом подаёт, гляжу, а там такая чёрненькая с крылышками.

- Девушка, - говорю, - посмотрите, в супе муха плавает.

- Ну что вы, - отвечает, - разве вы не знаете, что мухи не водоплавающие, они в основном летают, а иногда ползают.

Хорошая девушка, другая бы сразу накричала: "Какая там ещё муха, это такой лук поджаренный". А эта вот шутит. Да и действительно, мелочи. Выловила я муху, съела суп. Иду дальше, улыбаюсь, повторяю: "Я - спокойна, я - совершенно спокойна. Моя аура излучает спокойствие и доброту".

Смотрю, старичок какой-то на скамеечке сидит грустный-грустный, чуть не плачет.

- Что с вами, дедушка, - спрашиваю, - не случилось ли что?

- А ты присядь, - отвечает, - сейчас расскажу.

Я присела на скамейку, слушаю.

- Да вот, милая, - пожаловался он, - эту скамейку, оказывается, только что покрасили,

а я, "дурья башка", и не заметил. Недаром говорят: старость - не радость.

Только смотрю, дедок-то мой вроде бы уже и не такой грустный стал, даже глазки у него повеселели. Оно и понятно, всегда приятней, когда рядом с тобой другая "дурья башка" оказывается. Посмотрела я на свой плащ, только что светло-серый был, а теперь вся спина зелёная. Иду дальше, улыбаюсь, повторяю: "Я - спокойна, я - совершенно спокойна". Пятно-то что - мелочи. А тут ещё и химчистка рядом оказалась, совсем хорошо. В химчистке, когда приёмщица сказала, сколько мне придётся заплатить, я даже не поверила.

- Может, вы меня не поняли, - спрашиваю, - может, вы думаете, что я вместе с плащом хочу принести сюда ковры, а также занавески на окнах.

- Гражданочка, вы мне тут голову не морочьте, - говорит приёмщица, и аж тройной подбородок её от возмущения всколыхнулся, - столько сейчас в нашем преискуранте стоит чистка вашего плаща. Тем более, сервис у нас на высшем уровне. Вам даже ждать не придётся, обслуживание происходит прямо на глазах.

- Ладно, - думаю, - раз на глазах. Плащ у меня один и как-то привыкла я к нему.

Заплатила деньги. Сервис и в самом деле был достаточно необычным. Из соседней комнаты выплыла другая, ещё более полная дама в рабочем халате. Она достала из кармана какой-то пузырёк и, расстелив плащ, стала лить на него жидкость из этого пузырька. Пятно на плаще и, правда, вначале побледнело, но потом передумало и приобрело ещё более яркий зелёный цвет. Дама призадумалась над такой непредсказуемой реакцией химиката и даже впала в какое-то оцепенение. Но, видимо, решив не расстраиваться из-за такой мелочи, пробасила: "Это пятно у вас нестандартное и вообще, какое-то непонятное. А мы тут ни при чём, мы сделали всё, что могли и даже больше.

- Куда уж больше, - подумала я, но ругаться с полными дамами и расстраивать их мне не хотелось. Посмотрела я на это пятно, посмотрела, да и выбросила плащ в урну. Нет вещи - нет проблемы, оно и к лучшему. Иду, улыбаюсь, повторяю: "Я - спокойна, я - совершенно спокойна"...

Прохожу мимо парка. Смотрю, а там привезли какой-то новый аттракцион, весёленький такой и название у него очень хорошее, ну да - "Сюрприз" называется. Кто же из нас не мечтал о сюрпризе? Не выдержала я, купила билет, зашла. Внутри там оказалось очень темно. Пока думала, что делать, вдруг - "Бабах!" - искры у меня из глаз во все стороны посыпались, и круги перед глазами поплыли. Это, оказывается, мне кирпич на голову свалился. А голос из динамика сообщает: "Если попало, продолжайте стоять, вас ожидает призовая игра!.." Но призовой игры я уже ждать не стала, каким-то образом выбралась оттуда. До чего же весёлые ребята, надо же, какую забавную шутку придумали. Прав был врач, когда говорил: "Без шутки наша жизнь, как еда без соли".

Но вот только после этого что-то у меня память стала отказывать, прямо какие-то провалы. И как здесь очутилась, тоже

не помню. Хотя зря жаловаться не буду, в общем-то, мне тут нравится. Меня здесь все любят и так ласково называют - "тихая". У меня и друзья новые появились, иностранцы, кажется, как же их зовут-то, ах да, адмирал Нельсон и Мао Цзедун. Хорошие ребята, тоже пошутить любят.

А я всегда улыбаюсь и повторяю: "Я - спокойна. Я - совершенно спокойна".

***“метаморфозы
БЫТИЯ...”
пятый раздел***

Сергей АРСЕНТЬЕВ
*студент филологического
факультета*

ПАЗИТИФФ

Мне всё кажется: юмор давно неуместен.
Помнишь, Цюю твердили о том, что "мы вместе"?
Только с кем - неизвестно уже двадцать лет...
я в онлайнe, превед!

Мне всё кажется: люди грешат не по делу
И душа беззаветно, бесплодно болела
За других, о себе невзначай позабыв...
А в сети - пазитифф.

Мне всё кажется: не ошибаются майя -
всем пора провалиться. Куда вот - не знаю.
Вижу, публика Богу и дьяволу рада.
- Кушать подано!...
- *О-о! но я хачу йаду.*

ОЗЕРО

(хайку)

Как-то раз, работая с отцом на рисовом поле, Сергаяси
Арсо отчётливо ощутил боль и зуд в правой ладони. И тогда он
впервые заметил, как похоже вдохновение на укус обычной
земляной пчелы.

* * *

*Помнить опасно.
Даже дикая пчела
Дважды не жалит.*

Пока ветви сакуры касались тонких стен дома, Сергаяси Арсо не спал с кистью в руках:

* * *

*Прыгну с вершины,
Опрокину мир.
Внизу только боль.*

Поднимаясь на Фудзи, ученик споткнулся, и учитель не успел подать ему руку. Упали красные линии хайку Сергаяси Арсо:

* * *

*В горах ветрено,
Дорога камениста.
Постой, отдохни!*

Зарёй прорастала земля. Сергаяси Арсо медлил с ответом.

* * *

*Слушаю утро.
Лекарь не появится -
Уже выходной.*

Сергаяси Арсо брёл по просёлочной дороге и увидал бродячего пса.

Размышляя о встрече, он сочинил хайку:

* * *

*Уголёк носа -
Горячий. Ты не болен?
А пёс молчит.*

Гусеница шла по травинке, шагами выгибая всё своё тело. Сергаяси Арсо не удалось повторить её движений. В отчаянии он схватил кисть и изящными мазками набросал иероглифы:

* * *

*Ломкие стебли
Сгибались под ногами
Мудрого Арсо.*

Песок становился темнее, едва только вода касалась его. Песок обманывал воду. Сергаяси Арсо сел на прибрежный камень и заплакал.

* * *

*Надорвана ткань,
Из неё тянется нить.
Мой дом далеко.*

Листья соскальзывали на воду и замирали на поверхности. "На борту этих лодок всегда свободно!", - думал Сергаяси Арсо, входя в воду.

* * *

*Озеру зябко,
Берега укрыты в снег.
Белая полночь.*

В воздухе замирали белые пушинки. Любуясь их полётом, Сергаяси Арсо опустил кисть на бумагу. И бумага с благодарностью приняла его жизнь.

* * *

*Что нам ошибки?
Человек оступился -
Упали горы.*

Сергаяси Арсо лежал на спине. Он печалился только об одном: странствуя по миру, он всегда глядел себе под ноги. В следующей жизни ему следовало стать озером.

* * *

*Только мне слышен
Далёкий колокольчик!
Я давно в пути.*

Евгений ПРЯНИЧНИКОВ
аспирант филологического факультета

СЮЖЕТЫ

Что там, за последней страницей?
Герой превращается в птицу
И летает над миром слов,
Над скалами черновиков,
Над полями немых сюжетов,
Там, где падают звезды-поэты,
Оставляя озера слез,
Где и сходят с ума всерьёз...

Это где-то в попсовом рае,
Где волшебное небо тает,
Если долго в него смотреть,
Где один лишь запрет - не петь?
И в стране, которой не станет,
Где варит, меняя местами,
Реальность местный шаман,
Не зная, где будет сам,

В Макао иль в Кречевицах?
А в земле может клад появиться,
Где стоит теперь новый дом.
Люди думают не о том
И живут... а сюжеты втайне
За последней страницей, в спальне
Или в кухне, где ночью свет,
Притворяются... что их нет.

2011

Марина АЛЕКСЕЕВА
*выпускница филологического
факультета*

* * *

Бремя и время -
рифмованы с детства -
правило -
русской грамматики средство.

В Бремени слышатся
случай и место,
временность сущего
и самоедство...

Время имеет
свою протяжённость -
то завершение, то незавершённость,
то ускорение, то смольно-тягучесть -
несовершенная Времени сущность...

Книжная мудрость
и псевдонаучность -
будто от Бремени -
временлечение.
Помнится с детства
сие изречение...
Но все же в грамматике
есть заключение:
это не правило -
а исключенье!

Январь 2011

Сергей КАРТАШОВ
*доцент кафедры механизации
сельского хозяйства*

11.03.2011. 17 ЧАСОВ.

Энергия, атомы, молекулы. Решётка кристаллическая,
сумасбродная.
Пыль дорог, пелена туманная. Сторона родная, нет, родная.
Ударение бьёт слово там, где правильно.
Жизнь-дорога не рифмованна безутешными стараниями.
Непонятными ВИП-персонами мысли бегут ручьями,
И тогда голова грешная не коронована расписаниями.
И не брошенный, и не понятый. Информацией вволю
напичканный,
Так хотелось эти мысли бродные в песню влить
лирическую.
Этой песни путь долгий. Страданиями, болью,
переживаниями,
Всем, что копится в душе минутами, днями
с расставаниями,
Встречами недолгими с друзьями, секундами, наверное,
с врагами,
Любовью с подругами, неверностью с женой.
Это путь атомов, молекул, энергией заряженных,
В этом смысл на Рождество ряженных:
В новом - новое, в старом - прошлое.
Критиковать их, конечно, можно,
Но душу молодую, тревожную, в рамки ввести
невозможно.
Поставить запятую в "казнить нельзя помиловать" -
Только им поэтам молодым в силах.
В этой силе красота. Безупречности нет, конечно.
Эта сила чиста как вода вешняя
Да, возрадуйтесь и не сгорбитесь,
И не выпейте лишку
А так хочется пить дотла, называя стихи стишками
или стиИшками.

Олег ЯРОВИКОВ

*старший преподаватель кафедры
педагогики*

Из цикла

"ПЕРЕВОДЫ С ПОЛЬСКОГО"

Яцек Качмарский.

Песня, написанная мимоходом.

Солнце вспыхнет первым проблеском восхода,
Как художника исполненный каприз.
Одних дегтем день накормит, других - медом,
Кто-то ввысь стремится, кто-то с криком вниз.
Снова старше станет время молодое,
Как мерцающая в облаке звезда.
Мимоходом, мимоходом.
Как сквозь облако звезда.

Тем под ноги туз из карточной колоды,
Этим - все, что было бито и ушло.
Кто-то свет клянет, а кто-то пишет оды,
Вьется нитью путь борьбы добра со злом.
Слово прыгнет в море слов, как камень в воду,
И опустится без памяти на дно.
Мимоходом, мимоходом
Камень с памятью на дно.

Терпит сытый, а голодный - просит боя,
Его правдой кормит искренняя злость.
Тем - у дома сад, а этим - чисто поле:
Был и наш Господь когда-то вечный гость.
Радость встречи, утешение и вера,
Как собаке в будку брошенная кость -
Мимоходом, мимоходом,
Словно брошенная кость.

Не ищите в этой песне откровений,
Мимоходом лишь рифмуются слова,
Может станет утешеньем последний
Взмах над бездной одинокого пера:
Искры света от заката и восхода,
До которых нам так просто не дойти
Мимоходом, мимоходом
До которых не дойти.

Виктор КАРПУШКИН
*студент Политехнического
института*

ЭКСПЕРИМЕНТ

В чём измерить любовь? Быть может, в Ньютонах?!
Но с этой силой, боже, всё так запутано!
Ты знаешь напряжение расставанья на вокзале?
Тогда любовь логичней измерять в килопаскалях!

Вся эта разность наших потенциалов,
Должно быть, в Вольтах измерялась, пока не пропала!
Должно быть, силу, что теперь течёт по венам,
Измерить люди могут лишь в мегамперах.

Сопротивление со стороны знакомых,
Если и есть, то это микроомы;
А проводимость наша, стоит тебе приблизиться,
Растёт и вряд ли измерима в сименсах!

Та скорость, с которой я спешу, пообещав, что буду,
Вряд ли измерима метрами в секунду;
И эта тяжесть на душе не измерима в килограммах,
Когда я врал и знал, что не имею права...

И то, что между нами - это вряд ли мили,
Поэтому тут и бессилён пленг.
Как не измерить трусость или смелость,
И для любви не будет найдена размерность...

Как измерить боль, если она не выносима?
В чём измерить любовь, если слова - лишь символ?!
Как измерить безразмерный коэффициент?
Выход один - провести эксперимент!

Юрий ФАБРИЧНИН

доцент кафедры журналистики

*Бедный Йорик!.. Чудеснейший выдумщик...
Где теперь твои дурачества?
У.Шекспир*

Предлагаемые ниже двустишия содержат в себе долю ерничанья с одной стороны и шутовства - с другой. В них как можно меньше слов и как можно более полное созвучие строк. Гены моих "йориков" - из русского фольклора (пословиц, поговорок, загадок...) и русской поэзии, склонным к игре слов, каламбурам.

"Йорики" в некотором смысле баловство, шалость, прикол. Но в то же время: этюд, упражнение, тренинг. Тренинг и для автора, и для читателя. Созвучия организуют, сжимают материал, освобождая, расширяя его ассоциативность...

ЙОРИКИ

* * *

Колом? Буром?
Каламбуром!

* * *

Смеркается.
Север кается.

* * *

Прохиндей -
Прах идей.

* * *

Нуворишки.
"Ну, воришки!".

* * *

Скверно вербам.
Вербам в сквер бы.

* * *

Изб осест.
Is the best.

* * *

Тарантас -
Тара трасс.

* * *

Художник -
Худ лотошник?

* * *

"Пару пану?". Баре бань.
К барабану барабан.

* * *

Колът и блуд -
Голливуд.

* * *

Зачах пересмешник
В ночах кромешных.

* * *

Пачка балетная.
Пачка валютная.

* * *

В должности? -
Должон нести.

* * *

Метаморфозы бытия:
Метафор, роз и питания.

* * *

Йода запросы и цезия.
Идет за процессом процессия.

* * *

Яма оркестровая.
Дама сторублевая.

* * *

Охватывая мир деяний:
Ахматова и Модильяни.

* * *

Шло ремесло,
Хмелем поросло.

* * *

Сапог - не лапоть.
Не смог? Не лапать!

* * *

Меж усталых осин
Вешних далей синь.

* * *

В атаке, скалясь, маски...
А так искалось ласки.

* * *

Воскресенье.
Воск. Реченье.

* * *

Мима позы
Мимо розы.

* * *

Ода Лизке,
Одалиске.

* * *

Дефиле...
Где филе?

* * *

Дом. Плед.
Омлет.

* * *

От безгрешного
До потешного.

* * *

Богат да нравится.
Бог даст управиться.

* * *

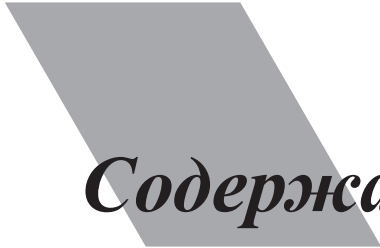
Заботы и дела:
"Аборт иль родила?"

* * *

Коты мартовские:
Ноты бардовские.

* * *

Лови меня, нежная
Лавина снежная.

Содержание

5

1 раздел

15

2 раздел

61

3 раздел

105

4 раздел

155

5 раздел

СВЕТ
ИЮньский
сборник поэзии
и прозы

6

Юрий ФАБРИЧНИН

9

Евгений ИВАНОВ

13

Татьяна АЛЕКСЕЕВА

14

Сергей ПАРХОМЕНКО

***“ТЫ ВОССТАНЕШЬ,
СОЛДАТ...”***
первый раздел

16	Дарья ПЕРЕВАЙ
24	Евгений ПРЯНИЧНИКОВ
27	Анна ЛОЖКИНА
31	Анна КУКУШКИНА
38	Григорий КНЯЗЕВ
48	Марина АЛЕКСЕЕВА
50	Юлия ЛЕТОВА
54	Олег ЯРОВИКОВ
56	Виктор КАРПУШКИН
58	Виктория ВОЕВА

**“И ВЫРОНЮ СЛОВО
ИЗ БУДУЩИХ
КНИГ...”
ВТОРОЙ РАЗДЕЛ**

62

Руслан ДЕРИГЛАЗОВ

66

Светлана ДЕРИПАЩУК

71

Андрей ЕРГАШОВ

77

Анатолий ЖУКОВ

79

Ирина НАЗАРОВА

88

Владимир КАСЬЯНОВ

90

Гарри БЕРСОН

97

Виктор ВОЛКОВ

98

Сергей КАРТАШОВ

100

Владимир ИСАКОВ

***“я не хотел бы,
с чистого
листа...”***
третий раздел

106

Дмитрий ИВАНОВ

118

Сергей АРСЕНТЬЕВ

122

Евгений ЖУКОВ

130

Александр ЛУКИН

132

Светлана ГОРИНА

136

Виктор КУТКОВОЙ

142

Максим ГУРЕЕВ

146

Геннадий ИГНАТЬЕВ

148

Белла ЛИТВИНОВА

**“ЖИТЬ СОВСЕМ
ПО ИНЫМ
ЗАКОНАМ...”**
четвёртый раздел

156

Сергей АРСЕНТЬЕВ

160

Марина АЛЕКСЕЕВА

161

Сергей КАРТАШОВ

162

Олег ЯРОВИКОВ

163

Виктор КАРПУШКИН

164

Юрий ФАБРИЧНИН

***“метаморфозы
БЫТИЯ...”
пятый раздел***

СВЕТ ИЮНСКИЙ

Сборник стихов и прозы

Великий Новгород
2011

Оригинал макет подготовлен
Литклубом при НовГУ

Изд. лиц. ЛР № 020815 от 21.09.08

Подписано в печать 01.06.2011

Формат 60х84 1/16

Усл.печ.л. 12,1 Уч.-изд.л. 6,42

Тираж 500 экз.

Заказ №

Отпечатано в ЗАО «Новгородский технопарк»

173003, Великий Новгород, Большая Санкт-

Петербургская 41.

Тел. 73-76-76